

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОЗЕФ С.
ФЛЕТЧЕР

УБИЙСТВО
В МИДДЛ-ТЕМПЛ

ТАЙНЫ РАЙЧЕСТЕРА

Золотой век английского детектива

Джозеф Флетчер

**Убийство в Миддл-темпл.
Тайны Райчестера (сборник)**

«АСТ»

Флетчер Д. С.

Убийство в Миддл-темпл. Тайны Райчестера (сборник) /
Д. С. Флетчер — «АСТ», — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-089471-0

В центре Лондона убит пожилой Джон Марбери, накануне приехавший из далекой Австралии. Но кто мог желать смерти человеку, который очень давно не был в Англии? Ведущий расследование детектив Расбери обращается за помощью к своему другу – криминальному репортеру Фрэнку Спарго. Вскоре они узнают, что незадолго до гибели Марбери встречался с депутатом парламента Эйлмором и зачем-то бережно хранил билет на скачки, которые проводились много лет назад... В провинциальный городок Райчестер, славящийся своим великолепным средневековым собором, прибывает множество туристов, и однажды одного из них, Джона Брэйдена, находят мертвым неподалеку от церковных стен. Случайный свидетель утверждает, что его столкнули с лестницы. Полиция начинает расследование, но неожиданно при странных обстоятельствах погибает и свидетель преступления...

ISBN 978-5-17-089471-0

© Флетчер Д. С.
© АСТ

Содержание

Убийство в Миддл-Темпл	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	33
Глава девятая	37
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	45
Глава двенадцатая	49
Глава тринадцатая	53
Глава четырнадцатая	57
Глава пятнадцатая	61
Глава шестнадцатая	65
Глава семнадцатая	68
Глава восемнадцатая	72
Глава девятнадцатая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Джозеф С. Флетчер
Убийство в Миддл-темпл.
Тайны Райчестера (сборник)

© Перевод. В.Н. Соколов, 2015

© Перевод. И.Л. Моничев, 2015

ООО «Издательство АСТ», 2015

Убийство в Миддл-Темпл

Глава первая Клочок бумаги

Обычно Спарго уходил из редакции «Наблюдателя» в два часа ночи, и после этого газету отправляли в печать. На самом деле, как только он выпускал свою колонку (недавно его сделали вторым редактором), оставаться на работе не имело смысла: Спарго мог смело отправляться домой раньше, чем начинали стучать типографские станки. Но он всегда честно досиживал до двух часов. В тот день – то есть ранним утром 22 июня 1912 года – Спарго задержался даже дольше обычного, заболтавшись с Хэкетом, редактором зарубежных новостей, по поводу телеграммы, только что полученной от Дураццо. Хэкет говорил интересные вещи: Спарго с жадностью слушал его и ввязался в долгую дискуссию. На часах было уже половина третьего, когда он вышел за порог редакции и глубоко вздохнул, сразу стряхнув с себя ту лихорадочную атмосферу, в которой находился всю вторую половину дня. Воздух на Флит-стрит был чистым и свежим, а над молчаливой громадой Святого Павла светлела полоска нового рассвета.

Спарго жил в Блумсберри, на западной стороне Рассел-сквер. Каждый день он ходил в редакцию по одному и тому же маршруту: Саутгемптон-роу, Кингзуэй, Стрэнд, Флит-стрит. Он уже нередко узнавал людей на улицах, особенно полицейских, и у него вошло в привычку здороваться с ними по пути домой, пока медленно брел по улице, куря трубку. В это утро, проходя мимо Миддл-Темпл-лейн, Спарго заметил знакомого постового по фамилии Дрисколл. Тот стоял у открытых ворот улочки и оглядывался по сторонам. Чуть дальше в конце улицы расхаживал еще один полисмен. Дрисколл энергично замахал ему рукой и тут заметил Спарго. Полицейский нетерпеливо шагнул в его сторону, и Спарго сразу понял, что услышит нечто необычное.

– Что-нибудь случилось? – спросил он.

Дрисколл ткнул большим пальцем за плечо, где в открытых воротах виднелся длинный переулок. Там стоял какой-то мужчина, торопливо натягивая на себя жилетку и сюртук.

– Вот тот парень – он тут вроде местного сторожа или швейцара – говорит, что там в подъезде лежит человек, – сообщил полисмен. – Швейцар уверяет, что он мертв. Говорит, его убили.

– Убили? Почему он так решил? – Журналист с любопытством заглянул за мощное плечо Дрисколла. – Есть причины?

– Он говорит, там повсюду кровь, – ответил Дрисколл.

Полисмен оглянулся на спешившего к ним констебля и снова повернулся к Спарго:

– Вы ведь газетчик?

– Да, – кивнул тот.

– Тогда пойдемте с нами, – предложил Дрисколл, добродушно усмехнувшись. – Думаю, мы подбросим вам новый материал для статейки. Не пожалеете.

Спарго продолжал вглядываться в переулок, размышляя, какие тайны могут в нем скрываться. Вскоре к ним подошел второй полисмен. В ту же минуту в воротах появился швейцар.

– Идемте! – бросил он. – Я вам все покажу.

Пока они шли по переулку, Дрисколл обменялся парой слов с другим констеблем и повернулся к швейцару.

– Как вы его нашли? – спросил он.

Швейцар указал на оставшиеся позади ворота.

– Я слышал, как хлопнула створка, – ответил он раздраженным тоном, словно это происшествие нанесло ему какую-то личную обиду. – Да-да, я все слышу! Так вот, я встал, чтобы посмотреть, что там и как. И представьте – вижу это!

Он посмотрел в дальний конец переулка. Трое мужчин проследили за его взглядом. Только теперь Спарго заметил, что слева в одном из подъездов наружу торчит чья-то нога в светло-сером носке и большом ботинке.

– Лежит себе и в ус не дует, – буркнул швейцар. – Я его не трогал. Сами понимаете...

Он замолчал и скорчил кислую гримасу, вспомнив эту неприятную картину.

– Значит, вы просто подошли и посмотрели? – уточнил Дрисколл. – Чтобы выяснить, кто это такой и что произошло?

– Именно так, – подтвердил швейцар. – А потом я увидел кровь... И сразу поспешил к выходу, чтобы рассказать вам.

– Это лучшее, что вы могли сделать, – заверил полисмен. – Что ж, давайте посмотрим.

Они остановились у подъезда. Это была открытая площадка с бетонным полом и стенами, облицованными белой плиткой. В тусклом свете едва занимавшегося дня ее серый и холодный вид напоминал мертвецкую. Лежавший на полу человек с вытянутой ногой, очевидно, был мертв: об этом свидетельствовала неестественность его позы.

Некоторое время все четверо стояли молча. Оба полицейских хмурили брови, взявшись за свои кожаные ремни и барабаны по ним пальцами. Швейцар задумчиво тер ладонью подбородок – этот скребущий звук потом долго звучал у Спарго в ушах. Сам он сунул руки в карманы и брэнчал ключами и монетами. Каждый погрузился в свои мысли, глядя на лежавшее перед ним бездыханное тело.

– Знаете, – наконец произнес Дрисколл, – он лежит как-то странно, будто... его принесли сюда. Прислонили к стене, а потом он съехал вниз.

Спарго оценивал детали цепким взглядом журналиста. Он увидел перед собой тело молодого человека. Голова была повернута набок, упираясь лбом в кафельную стену, но Спарго догадался о возрасте по седым волосам и бакенбардам. Мужчина был в добротном твидовом костюме в серую клетку и в дорогой обуви; из рукавов сюртука на беспомощно откинутых руках выглядывали безупречно белые манжеты. Одна нога неловко подвернулась под туловище, другая торчала прямо, вытянувшись через порог; верхняя часть тела изогнулась вдоль стены, съехав на одно плечо. На блестящей белизне плиток резко выделялись сгустки и брызги темной крови. Дрисколл вытащил руку из-за пояса и ткнул в них пальцем.

– Сдается мне, – медленно проговорил он, – что кто-то стукнул его сзади, когда он выходил отсюда. Кровь из носа хлынула на пол – целый фонтан. Что скажешь, Джим?

Второй полисмен откашлялся.

– Думаю, надо вызвать инспектора, – ответил он. – А также доктора и «скорую помощь». Он ведь мертв?

Дрисколл наклонился и пощупал пульс на руке.

– Мертвее не бывает. Уже остыл. Давай за дело, Джим!

Спарго дождался появления инспектора и «скорой помощи». Вместе с доктором прибыло еще несколько полицейских, и когда они начали перетаскивать покойника на носилки, Спарго наконец разглядел его лицо. Пока полицейские возились с телом, он рассмотрел его во всех подробностях, думая о том, кто это такой, почему его убили, как он оказался здесь, и еще о многом. В любопытстве Спарго присутствовал не только профессиональный интерес: он жалел бедолагу, которого так грубо и бесцеремонно вышвырнули из жизни.

В убитом, впрочем, не было ничего примечательного. Обычный мужчина, на вид лет шестидесяти, с простыми, но приятными чертами лица, чисто выбритый, если не считать седых бакенбард, тянувшихся, по старой моде, узкой полосой от уха к подбородку. Единственно оригинальной чертой в нем оказалось огромное количество глубоких складок и морщин: они

густой сетью покрывали кожу, собираясь вокруг глаз и в уголках рта. Глядя на них, можно было с уверенностью сказать, что человек прожил трудную жизнь и перенес немало бурь как в физическом, так и в духовном смысле.

Дрисколл подтолкнул Спарго локтем и подмигнул.

– Идемте с нами в морг, – шепнул он.

– Зачем? – удивился журналист.

– Там они его обыщут. Вывернут все карманы. Тогда вы сразу узнаете, кто он такой, и тиснете свою статейку.

Спарго колебался. Он смертельно устал после работы и до встречи с Дрисколлом мечтал о горячем ужине и теплой постели. А в «Наблюдатель» можно просто позвонить и попросить отправить в морг какого-нибудь репортера. Сам он уже не раз занимался подобным, и к тому же...

– Из этого вполне может выйти какая-нибудь громкая история, – добавил Дрисколл. – В таких делах никогда не знаешь, на что наткнешься.

Последнее замечание убедило Спарго: в нем проснулось прежнее чутье охотника за новостями.

– Ладно, – кивнул он. – Я пойду с вами.

Он раскурил трубку и последовал за маленьким кортежем по лондонским улицам, по-прежнему тихим и пустынным, размышляя о том, каким обыденным делом порой может выглядеть убийство. Вот сейчас, чуть ли не на его глазах, убили человека: и мертвеца спокойно несут через центр Лондона, без суеты и шума, чтобы отдать в руки людей, для которых все происходящее – всего лишь рутина. Удивительно ли, что...

– Я уверен, – послышался рядом громкий голос, – я уверен, что его убили не у нас. Точно не у нас! Его сюда притащили. Помяните мое слово.

Спарго повернул голову и увидел шагнувшего рядом швейцара. Тот тоже увязался за их процессией.

– Вот как? – отозвался журналист. – Вы считаете...

– Я считаю, его убили где-то в другом месте и приволокли сюда! Может, у кого-то дома. В этой части Лондона всякое случается. И потом, готов поклясться, я его не видел вчера вечером. Кто он вообще такой? Судя по внешности, не наш жилец.

– Скоро мы все узнаем, – заверил Спарго. – В морге его обыщут.

Но в морге они узнали только то, что полиция при обыске ничего не обнаружила. Полицейский врач сообщил, что на жертву, без сомнения, напали сзади и нанесли удар такой силы, что он раскроил череп и привел к мгновенной смерти. Дрисколл полагал, что убийство совершили с целью ограбления. У покойного ничего не обнаружили. Логично предположить, что хорошо одетый человек должен был иметь бумажник, часы с цепочкой, вероятно, кольца. Но полиция не нашла ничего ценного, да и вообще никаких вещей, которые помогли бы опознать его: писем, документов... В общем, преступник тщательно обыскал убитого и забрал у него все. Единственной зацепкой могло послужить серое матерчатое кепи, недавно купленное в одном из фешенебельных магазинов Уэст-Энда.

Спарго отправился домой: оставаться в морге не имело смысла. Он съел свой ужин и лег в постель, но заснуть не сумел. Нельзя сказать, чтобы Спарго был особо впечатлителен, но скоро ему стало ясно, что после всех этих ночных событий на отдых можно не рассчитывать. Он встал, принял душ, выпил чашку кофе и вышел на улицу. Спарго не знал, куда идет, но когда через полчаса ноги сами привели его в полицейский участок, расположенный рядом с моргом, его это не удивило. У подъезда он встретил Дрисколла, только что закончившего смену. Заметив журналиста, Дрисколл улыбнулся.

– Вам повезло, – заявил он. – Буквально через пять минут после вашего ухода мы нашли клочок бумаги, лежавший в боковом кармане: он скатался в маленький комочек. Идемте, я вам покажу.

Спарго проследовал за ним в кабинет инспектора. Через минуту он уже внимательно разглядывал узкую полоску, оторванную от листа писчей бумаги. Надпись была сделана карандашом и содержала только имя и адрес: «Роналд Бретон, адвокат, Кингз-Бенч, Темпл, Лондон».

Глава вторая

Первое дело

– Я с ним знаком, – сообщил Спарго инспектору.

Тот повернулся в его сторону:

– С кем? С мистером Бретонем?

– Да. Я работаю в «Наблюдателе». Один раз ездил к нему за статьей, она называлась «Лучшие места для ночевки на открытом воздухе». Потом он еще раз заходил к нам в редакцию. Значит, вы нашли этот клочок в кармане?

– Скорее в дырке кармана. Так, по крайней мере, мне сказали: меня самого там не было. Конечно, не бог весть что, но все-таки зацепка.

Спарго снова взял скомканный обрывок и тщательно осмотрел его. Бумагу такого сорта обычно предлагают посетителям в отелях и клубах. Видимо, листок оторвали грубо и впопыхах.

– Любопытно, – пробормотал он, – как вы собираетесь опознать этого человека?

Инспектор пожал плечами:

– Как обычно: сообщим в прессу и так далее. Вы ведь напишете какую-нибудь заметку о данном деле? И другие издания тоже. Мы дадим стандартное объявление. Кто-нибудь явится опознать труп. К тому же...

В этот момент в кабинет вошел еще один мужчина: невозмутимый на вид, в хорошо скроенном костюме и с внешностью преуспевающего бизнесмена. Проходя к своему столу, он легким кивком приветствовал инспектора и одновременно протянул руку к бумажке, которую Спарго положил на место.

– Я немедленно схожу на Кингз-Бенч и навещу мистера Бретона, – произнес он, взглянув на часы. – Сейчас почти десять, думаю, он уже на месте.

– Я с вами, – отозвался Спарго.

Мужчина вопросительно посмотрел на него, потом на инспектора. Тот кивнул.

– Это журналист, – пояснил он. – Мистер Спарго из «Наблюдателя». Он был на месте, когда нашли тело. И он знает мистера Бретона.

Инспектор указал на своего коллегу.

– А это детектив-сержант Расбери из Скотленд-Ярда, – сообщил он. – Ему поручено вести дело.

– Хорошо, – рассеянно отозвался Спарго. – Скажите, – вдруг встрепенулся он, обратившись к Расбери, – что вы собираетесь делать с Бретонем?

– Попрошу его взглянуть на тело, – ответил детектив. – Может, он знает жертву. В любом случае его имя и адрес написаны на бумажке, верно?

– Да, – произнес Спарго. – Я иду с вами.

Пока они шагали по Тюдор-стрит, Спарго не проронил ни слова. Его спутник тоже молчал: кажется, он вообще не отличался разговорчивостью. Вскоре они оказались на широкой лестнице в доме на Кингз-Бенч, где находилась квартира Роналда Бретона.

– Думаете, того парня убили из-за какой-нибудь вещи, которую он нес с собой? – спросил Спарго, неожиданно повернувшись к детективу.

– Сначала я хотел бы узнать, что именно он нес с собой, – с улыбкой ответил Расбери.

– Разумеется. Ведь он мог вообще ничего не нести.

Детектив рассмеялся и кивнул на табличку со списком жильцов.

– Пока мы ничего не знаем, сэр, – заметил он, – кроме того, что мистер Бретон живет на пятом этаже. А из этого я заключаю, что его адвокатский стаж не особенно велик.

– Да, он довольно молод, – подтвердил Спарго. – Ему лет двадцать пять. Я видел его только один...

Наверху раздался громкий смех. Судя по всему, смеялись две молодые женщины; время от времени к их звонким голосам присоединялся низкий мужской баритон.

– Какой приятный способ изучать юриспруденцию, – произнес Расбери. – Это ведь в комнатах мистера Бретона, не так ли? Смотрите, и дверь открыта.

Действительно, внешняя дверь квартиры была открыта настежь. Внутренняя тоже оказалась распахнутой наполовину, и в ее проеме Спарго и детектив увидели квартиру мистера Роналда Бретона. В самом центре комнаты среди портретов знаменитых адвокатов, объемистых томов судебных сборников и толстых канцелярских папок, перевязанных розовой тесьмой, стояла симпатичная девушка с озорно блестящими глазами. Взгромоздившись на стул в мантии и парике, она размахивала пачкой бумаг и обращалась с пламенной речью к воображаемому присяжному, чем немало забавляла стоявшего перед ней молодого человека и еще одну девушку, доверчиво прислонившуюся к его плечу.

– Я обращаюсь к вам, достопочтенные присяжные, с полным и... и... безусловным доверием, зная, что многие из вас сами являются братьями, мужьями и отцами, и не сомневаясь, что вы отнесетесь к моему подзащитному с сочувствием и пониманием, – вы, безупречные стражи закона, беспристрастные и справедливые, как... как...

– Больше эпитетов, больше эпитетов! – воскликнул молодой человек. – Поярче, посочнее! Они это любят, им нравится, когда... О, привет!

Последний возглас был вызван тем, что в самый разгар представления детектив Расбери открыл внутреннюю дверь и заглянул в комнату. Девушка смутилась и спрыгнула со стула, а ее подруга отпрянула от молодого человека. Через минуту обе юные леди, смеясь и шурша юбками, скрылись в соседней комнате, и мистер Бретон, слегка покраснев, шагнул навстречу гостю.

– Входите, входите, пожалуйста!

Он заметил журналиста и с удивленным видом протянул ему руку.

– Мистер Спарго! Как поживаете? Мы... то есть я... у нас был небольшой перерыв и... через несколько минут я снова вернусь в суд. Чем могу служить, мистер Спарго?

Произнося все это, он постепенно отступал к соседней комнате и наконец проворно закрыл ее. Потом снова обернулся к двери и уставился на гостей. Детектив внимательно изучал адвоката. Он увидел перед собой высокого молодого человека с прямой осанкой и приятными чертами лица, прекрасно одетого, безупречно причесанного, производившего впечатление очень благополучного и состоятельного. Из всех этих наблюдений Расбери сделал вывод, что мистер Бретон является одним из тех счастливых, которые могут выбирать себе профессию, не заботясь о том, чтобы превращать ее в источник дохода.

Детектив оглянулся и выразительно посмотрел на журналиста.

– Как поживаете? – улыбнулся Спарго. – Я... по правде говоря, я пришел сюда с мистером Расбери. Он хотел видеть вас. Это детектив-сержант Расбери из Скотленд-Ярда.

Спарго представил своего спутника с рассеянным видом, словно повторяя заученный урок. Но сам при этом пристально следил за реакцией адвоката. Бретон недоуменно посмотрел на детектива.

– Вот как? – пробормотал он. – Вы хотите...

Расбери извлек из кармана клочок бумаги, который аккуратно поместил в свой блокнот.

– Я хочу спросить вас кое о чем, – проговорил он. – Сегодня ночью, примерно без четверти три, на Миддл-Темпл было найдено тело пожилого мужчины. У нас нет сомнений, что его убили. Мистер Спарго находился там в тот момент, когда обнаружили труп.

– Я появился немного позже, – уточнил Спарго. – Через несколько минут.

– В морге убитого обыскали, – продолжил Расбери, – но не нашли ничего, указывающего на личность жертвы. Судя по всему, его ограбили. В его карманах было совершенно пусто, не считая вот этой бумажки, которая завалилась в подкладке пиджака. На ней написаны ваше имя и адрес, мистер Бретон.

Роналд Бретон взял клочок бумаги и нахмурил брови.

– Действительно, – пробормотал он. – Очень странно. Что это за человек?

Расбери взглянул на каминные часы.

– Может, вы сходите с нами и посмотрите на тело, мистер Бретон? – предложил он. – Это совсем недалеко.

– У меня сегодня слушается дело, – ответил Бретон, тоже посмотрев на часы. – Хотя оно начнется не раньше одиннадцати. Если...

– Времени вполне достаточно! – перебил Расбери. – Дорога займет десять минут. Кстати, вы не узнаете почерк?

Бретон все еще держал бумажку в руках. Он взглянул на нее более внимательно и ответил:

– Нет. Не представляю, зачем этому человеку могли понадобиться мое имя и адрес. Вероятно, какой-нибудь стряпчий из провинции, которому были нужны мои профессиональные услуги. – Но... в три часа ночи?

– Доктор считает, – вставил Расбери, – что к этому времени он уже был два или три часа как мертв.

Бретон оглянулся на вторую комнату.

– Я... я только скажу дамам, что ненадолго отлучусь, – произнес он. – Мы собирались вместе идти в суд: сегодня заседает мистер Джастис Борроу и... Я только вчера получил первое дело, – добавил он. – Так, пустячок, мелкое дельце, но я обещал своей невесте и ее сестре, что приглашу их на слушание. Секундочку.

Он исчез в соседней комнате и через минуту появился в элегантной шляпе. Спарго, никогда не обращавший внимания на свой костюм, начал сознавать разницу между собственной одеждой и роскошным нарядом молодого адвоката. От его внимания не ускользнуло и то, как изысканно были одеты обе молодые леди, юркнувшие в другую комнату: скорее в стиле Мэй-фер, чем Флит-стрит. Его все больше интересовал этот Бретон и две его юные подружки, продолжавшие щебетать в соседней комнате.

– Ну, что ж, – сказал Бретон, – я готов.

Помещение морга, куда отвел их Расбери, – мрачная ледяная камера с пустыми стенами, – составляло резкий контраст с жизнерадостной атмосферой летнего утра. Спарго невольно передернулся, когда вошел внутрь, но молодого адвоката мертвецкая нисколько не смутила: он мельком взглянул на комнату и приблизился к распростертому телу, с которого Расбери откинул простыню. Несколько секунд Бретон внимательно и серьезно смотрел на него, а потом покачал головой.

– Нет, – заявил он, – я с ним незнаком и никогда не видел.

Расбери накинул простыню.

– Я так и думал, – заметил он. – Что ж, воспользуемся обычной процедурой. Кто-нибудь должен опознать его.

– Вы сказали, что его убили? – спросил Бретон. – Это точно?

Расбери кивнул на труп.

– Ему размозжили череп, – пояснил он. – Доктор говорит, что его ударили сзади, причем со страшной силой. Спасибо, что уделите нам время, мистер Бретон.

– Пустяки! Если я понадобится, вы знаете, где меня найти. Честно говоря, вы меня заинтриговали. До свидания. До свидания, мистер Спарго.

Молодой адвокат быстро вышел из комнаты, а Расбери повернулся к журналисту.

– Вполне ожидаемый результат, – усмехнулся он. – Вы напишете об этом в своей газете? Спарго кивнул.

– Час назад, – продолжил детектив, – я отправил человека в «Фиски», шляпный магазин, где было куплено найденное кепи. Надеюсь, там нам что-нибудь расскажут. Если хотите, можем встретиться часов в двенадцать, тогда я сообщу вам все, что узнаю. А пока хочу позавтракать.

– Хорошо, встретимся здесь, – ответил Спарго, – ровно в двенадцать.

Он проводил взглядом Расбери, свернувшего в ближайший переулок, и поспешно направился в другую сторону. Заглянув в редакцию «Наблюдателя», Спарго написал записку и запечатал ее в конверт, чтобы передать главному редактору, затем снова вышел на улицу. Вскоре он заметил, что Флит-стрит давно осталась позади и ноги сами привели его к зданию Королевского суда.

Глава третья

Кепи как улика

Не совсем понимая, зачем он, собственно, сюда пришел, Спарго рассеянно прохаживался по центральному холлу и прилегающим коридорам, пока местный служитель, решив, что он заблудился, не поинтересовался, что ему нужно.

– Кажется, сегодня утром заседает мистер Джастис Борроу? – спросил Спарго.

– В зале номер семь, – сообщил служитель. – Какое у вас дело? На сколько вам назначено?

– Ни на сколько. Я журналист, из газеты.

– Первый поворот направо, второй налево. Там полно свободных мест: сегодня малолюдно.

Служитель равнодушно отвернулся, и Спарго возобновил свою бесцельную прогулку по длинным и унылым коридорам.

– Господи, помилуй, – бормотал он себе под нос. – Зачем меня вообще сюда занесло? Кажется, мне нечего здесь делать.

Спарго повернул за угол и столкнулся с Роналдом Бретонем. Молодой адвокат уже облачился в мантию и парик и нес в руках толстенную пачку бумаг, перевязанную розовой тесьмой; его сопровождали обе юные леди, постоянно что-то говорившие и заливавшиеся смехом. Бросив на них беглый взгляд, Спарго сразу определил, кто из двух произносил ту речь, которую он слышал вместе с Расбери: это была, разумеется, не старшая, шагавшая рядом с адвокатом с уверенным и властным видом, а ее младшая спутница – миловидная девушка с дерзким взглядом. Увидев ее, Спарго вдруг осознал, что все это время надеялся снова встретиться с ней.

Поравнявшись с этой троицей, журналист машинально поднял шляпу. Бретон остановился, вопросительно глядя на него. Вид у него был немного удивленный.

– Ну да, – пробормотал Спарго в замешательстве, – я... В общем, я слышал, что вы собирались в суд, и решил зайти. Мне нужно поговорить с вами – задать несколько вопросов, если у вас будет время. Насчет того убийства.

Бретон кивнул и похлопал журналиста по руке.

– Послушайте, – сказал он, – как только заседание закончится, я к вашим услугам. Подождите немного? Отлично. Тогда окажите мне маленькую услугу. Мне надо отвести дам на галерею – она находится вон там, наверху, – но я сильно опаздываю, и меня уже ждет консультант. Будьте так добры, проводите их вместо меня; а потом, когда дело закончится, возвращайтесь сюда, и мы побеседуем. Я вас представлю без церемоний. Мисс Эйлмор, мисс Джесси Эйлмор. Мистер Спарго, из «Наблюдателя». Все, я побежал!

Бретон поспешил к выходу, а Спарго остался наедине с двумя улыбающимися дамами. Разглядывая их не без смущения, он пришел к заключению, что обе девушки очень милы и привлекательны и одна из них года на три старше другой.

– Как это похоже на Роналда, – недовольно заметила старшая из дам. – Наверное, у вас были другие планы, мистер Спарго? Прошу вас, не стоит...

– О нет, что вы, все в порядке! – воскликнул журналист, хотя чувствовал себя глупо. – Мне, знаете ли, совершенно нечем заняться. Однако... куда хотел вас отвести мистер Бретон?

– На галерею в зале номер семь, – ответила младшая девушка. – Это там, за углом, я знаю дорогу.

Спарго, удивляясь, как быстро развиваются события, проводил двух леди на одну из тех открытых галерей, где заинтересованные лица или просто любопытствующая публика наблюдали за отправлением правосудия, проходившим в плохо проветриваемых и слабо освещенных помещениях Королевского суда. Кроме них, здесь не было ни души; дежурный, обрадовавшись

тому, что кто-то заглянул в его владения, торопливо открыл дверь, поклонился Спарго и даже спустился к нему на несколько ступенек.

– Сегодня нет ничего особо интересного, – прошептал он, прикрывая рот рукой, – но в пятом зале слушается любопытное дельце о нарушении контракта. Если хотите, могу предложить вам три хороших места.

Журналист отклонил это заманчивое предложение и вернулся к своим обязанностям. Он пришел к выводу, что мисс Эйлмор вряд ли более двадцати трех лет, а младшей – примерно восемнадцать. Кроме того, он решил, что молодому Бретону чертовски везет, раз он сумел обзавестись очаровательной невестой и прелестной свояченицей. Усаживаясь в галерею, Спарго занял место рядом с мисс Джесси Эйлмор, сделав вид, будто с интересом изучает обстановку.

– Надеюсь, мы можем говорить до появления судьи? – спросил он. – Неужели это действительно первое дело мистера Бретона?

– Да, первое из тех, что он ведет самостоятельно, – с улыбкой ответила она. – Вот почему он так нервничает. Как и моя сестра. Правда, Эвелин?

– По-моему, все нервничают в первый раз, – возразила она. – Но мне кажется, что Роналд чувствует себя уверенно. Кроме того, он говорит, это совсем маленькое дело – его слушают даже без присяжных. Боюсь, оно покажется вам скучным, мистер Спарго: речь идет о долговой расписке.

– О нет, что вы! Я всегда любил слушать адвокатов – они умеют говорить так много... так много... и...

– И ни о чем, – закончила мисс Джесси Эйлмор. – Впрочем, как те джентльмены, которые пишут для газет.

Спарго уже собирался признать ее правоту, когда мисс Эвелин Эйлмор вдруг обратила внимание на человека, только что появившегося в зале.

– Джесси! – воскликнула она. – Это мистер Элфик!

Спарго посмотрел вниз. Это был пожилой мужчина в мантии и парике: высокий, полный, с крупным чисто выбритым лицом. Он прокладывал себе дорогу к угловому креслу, расположенному неподалеку от того святилища, где имеет право восседать только королевский адвокат. Добравшись до своего места, он уселся на нем с видом человека, привыкшего ценить комфорт, вставил в правый глаз монокль и огляделся по сторонам. В зале находилось немало его коллег, занятых оживленным разговором, несколько судебных приставов, а также чиновники и клерки. Но джентльмен с моноклем ограничился тем, что обвел их рассеянным взглядом и поднял голову к галерее, где сидели две молодые леди. Увидев их, он тут же отвесил им изысканный поклон; на его широком лице просияла приятная улыбка, и он приветливо помахал рукой.

– Вы знакомы с мистером Элфиком, мистер Спарго? – спросила младшая мисс Эйлмор.

– Кажется, однажды видел его в Темпле.

– Он заседает в Бумажном корпусе, – напомнила Джесси. – И иногда там же приглашает гостей на чай. Это наставник Роналда, его ментор и ангел-хранитель. Думаю, он заглянул в суд, чтобы посмотреть на успехи своего ученика.

– А вот и Роналд, – шепнула мисс Эйлмор.

– Да, его светлость уже на месте, – подхватила сестра. – И вид у него весьма решительный. Что ж, мистер Спарго, представление началось!

Говоря по правде, Спарго обращал мало внимания на то, что происходило внизу. Дело, которое вел юный Бретон, касалось чисто коммерческих вопросов, связанных с учетом векселя. Журналисту показалось, будто молодой адвокат провел его очень неплохо, демонстрируя уверенность и знание финансовых деталей. Гораздо больше Спарго интересовали сидевшие рядом девушки, особенно младшая. Он уже размышлял о том, как бы лучше закрепить их

знакомство, как вдруг сторона обвинения, видимо, осознав, что бороться дальше бесполезно, объявила об отзыве иска, и судья принял решение в пользу Роналда Бретона.

Через минуту Спарго выходил из галереи вместе с двумя сестрами.

– Замечательно, просто замечательно, – негромко повторял он. – Он ясно и четко сформулировал свою позицию.

Внизу в коридоре стоял Роналд Бретон и беседовал с мистером Элфиком. Он показал на журналиста, подходившего к ним вместе с дамами: Спарго сообразил, что разговор шел о вчерашнем убийстве и его участии в данном деле. Как только он приблизился, Бретон произнес:

– Это мистер Спарго из «Наблюдателя». Мистер Спарго – мистер Элфик. Я только что говорил мистеру Элфику, что вы видели этого несчастного вскоре после того, как нашли тело.

Мистер Элфик явно заинтересовался всей этой историей. Он в буквальном смысле вцепился в журналиста.

– Дорогой сэр! – воскликнул он. – Значит, вы видели того беднягу? Говорят, он лежал в третьем подъезде на Миддл-Темпл? Это был третий подъезд, не так ли?

– Да, – ответил Спарго. – Видел. В третьем подъезде.

– Просто удивительно! – продолжил мистер Элфик. – Я знаю одного человека, живущего в этом доме. Вчера вечером я заходил к нему и ушел около полуночи. В кармане у бедняги нашли имя и адрес мистера Роналда Бретона?

Спарго кивнул, посмотрел на Бретона и достал свои часы. Ему не хотелось играть роль бесплатного информатора для мистера Элфика.

– Да, верно, – промолвил он. Потом, выразительно взглянув на Бретона, добавил: – Так вы сможете уделить мне несколько минут?

– Ах да, – спохватился Бретон. – Разумеется. Эвелин, я пока оставлю тебя с Джесси и мистером Элфиком.

Но мистер Элфик все еще не отпускал Спарго:

– Подождите, сэр! Как вы думаете, я могу взглянуть на тело?

– Труп сейчас в морге. Не знаю, какие там правила.

Наконец он удалился вместе с Бретоном. Они молча перешли через улицу и остановились в тени, на противоположной стороне Флит-стрит.

– Насчет того, о чем я хотел поговорить, – начал Спарго. – Дело вот в чем. Видите ли, я журналист, и мне всегда хотелось написать о каком-нибудь громком деле. Например, об убийстве. По-моему, сейчас как раз такой случай. Я хочу изучить его досконально и надеюсь, что вы мне поможете.

– Почему вы считаете, что это убийство? – невозмутимо спросил Бретон.

– Да, убийство. Я чувствую. Журналистский нюх. Я намерен выяснить правду. Мне кажется... – Спарго помолчал и внимательно взглянул на Бретона. – Мне кажется, что ключ к разгадке – в клочке бумаги. Бумажка и жертва связывают между собой вас и... кого-то еще.

– Вероятно. И вы собираетесь найти «кого-то еще»?

– Я хочу, чтобы вы помогли мне это сделать, – ответил Спарго. – Уверен, это серьезное дело. И я хочу его расследовать. В полицейские методы не верю. Кстати, прямо сейчас иду на встречу с Расбери. Пойдете со мной?

Бретон согласился. Он заскочил к себе домой на Кингз– Бенч, чтобы избавиться от мантии и парика, и отправился вместе со Спарго в полицию. Подходя к участку, они увидели выходившего на крыльцо Расбери.

– А! – воскликнул он. – У меня хорошие новости, мистер Спарго. Я говорил, что отправил человека в шляпный магазин «Фиски». Так вот, он только что вернулся. Кепи, которое нашли на убитом, было куплено вчера в полдень и отправлено в отель «Англо-Ориент», номер 20, мистеру Марбери.

– Где находится отель? – спросил Спарго.

– В районе Ватерлоо. Наверное, какое-то маленькое заведение. Я как раз туда иду. Вы со мной?

– Да, – кивнул журналист, – разумеется. Мистер Бретон тоже.

– Если не буду вам в тягость, – вставил тот.

Расбери улыбнулся.

– Надеюсь, мы узнаем что-нибудь насчет этой бумажки, – заметил он и остановил такси.

Глава четвертая

Отель «Англо-ориент»

Отель, в который направились Спарго и его спутники, оказался старомодным заведением неподалеку от вокзала Ватерлоо: простое здание с фасадом в средневикторианском стиле, напоминавшее о тех давних временах, когда железнодорожные путешествия были еще в новинку. Трудно было представить что-нибудь менее соответствующее современным представлениям об отеле: именно в этом духе выразился Роналд Бретон, когда все трое переходили через улицу.

– И все же многие из тех, кто в прежние времена отправлялся в Саутгемптон и обратно, предпочитали останавливаться именно здесь, – возразил Расбери. – Да и сегодня опытные путешественники, возвращаясь в Англию после долгого отсутствия, тоже выбирают это место. Вокзал рядом, а для людей, проделавших тысячи миль на пароходе или в поезде, близость расстояний – весомый аргумент. Вот, взгляните!

Они уже вошли в холл – это был квадратный зал с тяжеловесной мебелью, – и детектив кивнул налево в сторону бара, где за столиками и у стойки расположились посетители. В них, судя по их бронзовому загару и нахлобученным шляпам, можно было узнать выходцев из британских колоний или людей, не понаслышке знакомых с южными широтами. В их говоре слышался колониальный акцент, а крепкий табачный аромат навевал мысли о Тричинополи и Суматре. Расбери многозначительно покачал головой.

– Готов биться об заклад, мистер Спарго, что покойный приехал из колоний, – заметил он. – А это, полагаю, хозяин и хозяйка заведения.

В дальнем конце комнаты располагалась стеклянная перегородка с полукруглым окошком и широкой стойкой, на которой лежала регистрационная книга. В комнатке за стеклом находились двое: полный круглолицый мужчина средних лет, вероятно, по совместительству выполнявший обязанности официанта и имевший очень важный вид, и высокая худая женщина с мелкими чертами лица и пронзительным взглядом.

Расбери направился к стойке.

– Вы владелец этого отеля? – спросил он. – Мистер Уолтерс? А вы миссис Уолтерс?

Хозяин отеля сухо поклонился и внимательно взглянул на гостя:

– Чем могу служить, сэр?

– У меня к вам небольшое дельце, мистер Уолтерс, – ответил Расбери, показав свое удостоверение. – Я детектив-сержант Расбери из Скотленд-Ярда, а это – мистер Фрэнк Спарго, журналист, и мистер Роналд Бретон, адвокат.

Хозяйка, услышав их фамилии и должности, указала на боковую дверь и предложила войти. Через минуту все трое оказались в маленькой гостиной. Уолтерс запер за ними дверь и вопросительно повернулся к своим гостям:

– Что случилось, мистер Расбери?

– Нам нужна кое-какая информация. Скажите, вчера у вас останавливался человек по имени Марбери – мужчина в возрасте, седые волосы, плотного телосложения?

Миссис Уолтерс вздрогнула и уставилась на мужа.

– Ну вот! – воскликнула она. – Я так и знала, что про него станут спрашивать. Да, он снял у нас комнату вчера утром – это было сразу после дневного поезда из Саутгемптона. Двадцатый номер. Но... он там не ночевал. Ушел поздно вечером и не вернулся.

Расбери кивнул. В ответ на радушный жест хозяина он пододвинул к себе стул, сел и обратился к хозяйке:

– Почему вы решили, что о нем станут расспрашивать, мэм? Вы заметили что-нибудь необычное?

Миссис Уолтерс смутил его вопрос. Ее супруг пробурчал что-то невнятное.

– Да нечего было там замечать, – наконец произнес он. – Просто у жены такая манера выражаться.

– Я вот что имела в виду. Мистер Марбери сказал нам, что уже двадцать лет не был в Лондоне и ничего здесь не помнит, да и вообще плохо знает город. А когда он так поздно ушел из отеля и не вернулся, я подумала, что с ним что-нибудь случилось и про него будут расспрашивать.

– Естественно! – подхватил Расбери. – И вы абсолютно правы: с ним действительно кое-что случилось. Он умер. Более того, у нас есть веские основания полагать, что его убили.

Мистер и миссис Уолтерс встретили эту новость с подобающими случаю возгласами удивления и ужаса, и хозяин предложил гостям выпить. Спарго и Бретон отказались, сославшись на то, что вечером им предстоит работать, но Расбери принял предложение с невозмутимым видом.

– Ваше здоровье! – произнес он, подняв бокал. – Что ж, надеюсь, вы расскажете мне подробнее об этом человеке? Со своей стороны, мистер и миссис Уолтерс, могу сообщить, что сегодня ночью, примерно без четверти три, он был найден мертвым на Миддл-Темпл, причем на нем не оказалось ничего примечательного за исключением одежды и клочка бумаги, где были указаны имя и адрес вот этого джентльмена. Впрочем, сам этот джентльмен утверждает, будто никогда не слышал о покойном, и я проследил его путь только благодаря кепи, которое он купил вчера в Уэст-Энде и которое отправили в ваш отель.

– Да, – подтвердила миссис Уолтерс, – так оно и есть. Вечером он ушел уже в этом кепи. А в остальном... мы о нем почти ничего не знаем. Как я уже сказала, он появился у нас вчера в четверть первого и поселился в двадцатом номере. Носильщик отнес его саквояж и сумку – они у него в комнате. Он сообщил, что останавливался в этом доме двадцать лет назад, когда уезжал в Австралию: нас тогда еще здесь не было. Потом он записался в регистрационной книге как Джон Марбери.

– Можно взглянуть? – попросил Расбери.

Уолтерс принес книгу и открыл ее. Все склонились над страницей.

– Джон Марбери, Колумбиджи, Новый Южный Уэльс, – прочитал детектив. – Надо будет сравнить почерк в книге и на том клочке бумаги, мистер Бретон. Но я и так уже вижу, что рука другая.

– Да, рука другая, – подтвердил адвокат.

Он тоже внимательно изучал запись. Расбери, заметив его интерес, задал еще вопрос:

– Может, вы уже видели этот почерк?

– Нет, никогда, – ответил Бретон. – Хотя... в нем есть что-то очень знакомое.

– Значит, вы все-таки могли видеть его раньше. Хорошо, а теперь я хотел бы услышать о пребывании Марбери в отеле. Расскажите все, что вам известно, мистер Уолтерс.

– Спрашивайте лучше мою жену, – попросил тот. – Я-то его почти не видел, мы даже не разговаривали.

– Верно, – кивнула миссис Уолтерс. – Ты занимался другими делами. А я сразу проводила его в номер. По дороге мы перебросились парой слов. Он сказал, что только что прибыл в Саутгемптон из Мельбурна.

– Он не сказал, на каком судне? – спросил Расбери.

– Наверное, название судна осталось на его вещах. Там наклеены какие-то ярлычки. Сначала он попросил приготовить ему отбивную. Потом поел и ушел ровно в час дня, заметив, что боится заблудиться, потому что всегда плохо знал Лондон, а сейчас и вовсе ничего не помнит. Я видела, как он вышел на улицу и посмотрел по сторонам, а затем зашагал в сторону Блэк-фрайарз. Днем нам привезли его кепи из «Фиски». Я подумала, что он был на Пикадилли. Но сам он появился в десять вечера. И привел с собой джентльмена.

– Джентльмена? – удивился Расбери. – Вы его видели?

– Мельком. Они сразу поднялись в двадцатый номер, и я только издали заметила его на лестнице. Высокий, крепкий, седобородый и очень хорошо одетый: в цилиндре, белом шелковом кашне и с зонтиком.

– Значит, они сразу поднялись к Марбери, – повторил детектив. – И что потом?

– Мистер Марбери заказал виски с содовой. Точнее, мы отнесли ему графинчик с виски и сифон с водой. Почти до полуночи все было тихо. Позже швейцар сообщил мне, что джентльмен из двадцатого номера спустился вниз и поинтересовался, есть ли у нас ночной портье. Разумеется, он был. В половине двенадцатого мистер Марбери вышел из отеля.

– А другой джентльмен?

– Другой джентльмен ушел вместе с ним. Швейцар сказал, что они направились к вокзалу. И больше его здесь никто не видел. Мистер Марбери так и не вернулся – можете не сомневаться.

– В самом деле, – с легкой улыбкой заметил детектив, – в этом нет никаких сомнений.

Что ж, полагаю, нам следует заглянуть в двадцатый номер и посмотреть на вещи.

– Там все осталось так, как было, – заверила миссис Уолтерс. – Мы ничего не трогали.

Но трогать, как вскоре выяснилось, было особенно нечего. На прикроватном столике лежало несколько заурядных туалетных принадлежностей – ни одной ценной и примечательной вещицы. Судя по всему, их владелец был непритязателен и привык обходиться малым. На крючке висело толстое пальто: Расбери обыскал его карманы. Столь же свободно он обошелся с саквояжем и сумкой – они оказались не заперты, – аккуратно разложив их содержимое на кровати и внимательно осмотрев каждый предмет. Однако ему не удалось обнаружить ничего, что могло бы указывать на личность владельца.

– Ну вот, опять то же самое! – воскликнул он. – Все, как с вещами и одеждой на теле жертвы. Ни документов, ни бумаг – ни одной зацепки, чтобы выяснить, кто он такой и откуда и зачем приехал. Разумеется, мы можем установить это другими способами. Но нечасто встретишь путешественника, у которого не найдется никаких вещей, удостоверяющих личность. Не считая меток на белье, указывающих на то, что его купили в Мельбурне, мы не знаем о нем ровным счетом ничего. Должны же быть хотя бы деньги и документы! Вы видели у него деньги, мэм? – обратился Расбери к миссис Уолтерс. – Он вынимал кошелек в вашем присутствии?

– Да, – кивнула она. – Один раз, когда спускался в бар за выпивкой. Расплачиваясь, достал пригоршню золотых монет. Там было тридцать или сорок соверенов и полсоверенов золотом.

– А когда его нашли, у него не оказалось ни пенни, – пробормотал Расбери.

– Я заметила еще кое-что, – добавила хозяйка. – На нем были прекрасные золотые часы с цепочкой, а на левой руке – точнее, на мизинце – превосходное кольцо: золото с крупным бриллиантом.

– Верно, – задумчиво протянул детектив, – я видел след от кольца. По-моему, оно было ему маловато. Ладно, остался один вопрос. Ваша горничная не находила у него в номере рваной бумаги? Выдранного из блокнота листка, разорванных писем?

Но вызванная горничная ничего такого не помнила: напротив, постоялец из двадцатого номера оставил все в полном порядке. Вскоре Расбери пришел к выводу, что сделал все возможное, и, пожелав владельцам отеля хорошего дня, вышел со своими спутниками на улицу.

– Что дальше? – спросил Спарго.

– Дальше, – отозвался Расбери, – необходимо найти человека, с которым Марбери покинул вчера вечером отель.

– И как это сделать?

– Пока не знаю.

Детектив небрежно кивнул и зашагал прочь, очевидно, желая остаться наедине со своими мыслями.

Глава пятая

Спарго вникает в детали

Остановившись посреди улицы, адвокат и журналист переглянулись. Бретон рассмеялся.

– Немного же мы узнали, – заметил он. – Остались там, где были.

– Не совсем, – возразил Спарго. – Я продвинулся вперед. Теперь знаю, что убитый называл себя Джоном Марбери, прибыл он из Австралии. Вчера утром он сошел с корабля в Саутгемптоне, прошлым вечером вместе с ним находился человек, внешность которого нам известна: высокий, седобородый, хорошо одетый джентльмен.

Бретон пожал плечами:

– Под данное описание подходит сотня тысяч лондонцев.

– Вы правы, – согласился журналист. – Но все-таки мы выяснили, что он был одним из этой сотни тысяч – или, если угодно, полумиллиона. Осталось только его найти.

– Вы думаете, у вас это получится?

– Во всяком случае, я намерен попытаться.

– Каким образом? Спрашивая каждого, кто подходит под описание: «Простите, сэр, это не вы были вчера с Джоном Марбери в отеле «Англо-Ориент»?»

– Подождите! – вдруг воскликнул Спарго. – Вы говорили, что знакомы с человеком, живущим в том доме, где нашли Марбери.

– Нет, это говорил мистер Элфик. Но я знаю, о ком идет речь – это мистер Кардлтон, он тоже адвокат. Они дружат с мистером Элфиком. Оба заядлые филателисты. Я слышал, что вчера вечером мистер Элфик заходил к Кардлтону, чтобы посмотреть новые приобретения в его коллекции. А что?

– Я хочу туда отправиться и задать пару вопросов, – ответил Спарго. – Если у вас есть желание...

– Да-да, я пойду с вами! По правде говоря, это дело волнует меня не меньше, чем вас. Я хочу узнать, кто такой Марбери и почему у него оказались мое имя и адрес. Конечно, если бы я был хорошо известен в юридических кругах...

– Да, – подхватил Спарго, усаживаясь в такси, – это многое бы объяснило. Надеюсь, клочок бумаги выведет нас на убийцу быстрее, чем расследование Расбери.

Бретон с интересом посмотрел на него.

– Но вы же не знаете, как детектив поведет расследование, – заметил он.

– Знаю, – возразил Спарго. – Расбери будет искать человека, с которым Марбери вышел вчера вечером из отеля «Англо-Ориент».

– А вы?

– А я намерен выяснить, что значила та бумажка и кто ее написал. Хочу понять, зачем этот старик направлялся к вам, когда его убили.

– Вот черт! – воскликнул Бретон. – Мне это и в голову не пришло. Вы полагаете, что, когда на него напали, он шел ко мне?

– Разумеется. На листочке было написано «Темпл». И он оказался именно в Темпле. Ясно, что он искал вас.

– Но... почему так поздно?

– Не важно. Как еще вы можете объяснить его присутствие в Темпле? Я думаю, он спрашивал дорогу у прохожих. Вот почему я собираюсь отправиться в тот район.

Однако вскоре Спарго пришлось убедиться, что в судебном квартале и без него хватало людей, желавших навести справки об убитом. Наступил обеденный перерыв, и на маленьком пяточке Миддл-Темпл, где обнаружили тело Марбери, собралось множество зевак и любителей сенсаций, привлеченных новостями об убийстве. Правда, смотреть им было особенно не на

что – не считая камней брусчатки, на которых некогда покоился мертвец, – но толпа все равно шумела, глаза по сторонам. В конце концов в переулке поднялся такой гвалт, что местные жители вызвали полисмена для наведения порядка, и когда Спарго и его спутник оказались на месте, один из них – морщинистый старик, раздраженный всей этой суетой, – втолковывал прибывшему полисмену, в чем должны заключаться его обязанности.

– Немедленно уберите их с нашей улицы! Немедленно! – возмущался он. – Вышвырните их, констебль, на Флит-стрит, на набережную, куда хотите, только подальше отсюда. Это невыносимо!

– А вот и Кардлтон, – прошептал Бретон. – Сварливый старикашка. Вряд ли мы от него чего-нибудь добьемся. Мистер Кардлтон, – продолжил он, подойдя к пожилому джентльмену, который уже начал подниматься по каменным ступенькам, потрясая своим черным зонтиком, столь же древним, как и он сам, – я как раз собирался зайти к вам. Это мистер Спарго, журналист, он интересуется убийством. Возможно...

– Я ничего не знаю об убийстве! – резко перебил его мистер Кардлтон. – И никогда не общаюсь с журналистами, этой шайкой сплетников: не примите на свой счет, сэр. Понятия не имею, что тут произошло, но я не намерен мириться с тем, что у порога моего дома околачивается свора всяких бездельников и прощелыг. Убийство! Какой-нибудь пьянчужка свалился со ступенек и сломал себе шею, вот и все.

Он открыл дверь, и Бретон, с ободряющей улыбкой кивнув Спарго и предложив ему не отставать, последовал за старым адвокатом.

– Мистер Элфик говорил мне, что допоздна засиделся у вас вчера вечером, мистер Кардлтон, – произнес Бретон. – Вы не слышали ничего подозрительного?

– А что подозрительного можно услышать в Темпле, сэр? – усмехнулся старик. – Надеюсь, здесь мы застрахованы от подобного. Я и ваш многоуважаемый патрон провели обычный вечер, предаваясь нашему мирному занятию, и когда он уходил, на улице было тихо, как в гробу, сэр. Что касается моих соседей справа или наверху, я за них не отвечаю. Слава богу, у нас очень толстые стены – капитальная постройка. По-моему, тот человек свалился с лестницы и расшиб себе голову. А что он тут делал, спросите кого-нибудь другого.

– Неплохая версия, мистер Кардлтон, – согласился Бретон, украдкой подмигнув Спарго. – Дело в том, что у покойного не нашли ничего, кроме бумажки, на которой написаны мой адрес и фамилия. Пока это все, что о нем известно, не считая того, что он прибыл из Австралии.

Мистер Кардлтон вдруг резко повернулся и пристально взглянул на Бретона:

– Что? Ваше имя? И... он прибыл из Австралии?

– Да, это все, что нам удалось узнать.

Мистер Кардлтон отставил в сторону зонтик, достал пестрый носовой платок и прочистил нос.

– Интересная история, – заметил он. – А Элфику об этом известно?

Бретон посмотрел на Спарго, словно надеясь, что тот объяснит ему неожиданную перемену в поведении мистера Кардлтону. Спарго вступил в разговор.

– Нет, нет, – произнес он. – Мистер Элфик знает лишь о том, что имя и адрес мистера Роналда Бретона были на бумажке, найденной в кармане жертвы. Мистер Элфик... – Спарго выдержал паузу и взглянул на Бретона. – Мистер Элфик, – продолжил он, переведя взгляд на старого адвоката, – выразил желание сходить в морг и взглянуть на тело.

– Вот как? – воскликнул мистер Кардлтон. – А разве на него можно посмотреть? Тогда я тоже пойду. Где это?

Бретон вздрогнул.

– Простите, но... – пробормотал он. – Зачем вам это?

Старый адвокат снова схватил свой зонтик.

– Естественное любопытство человека, у которого под дверью случилась необычная история, – объяснил он. – Прежде я знал нескольких людей, уехавших в Австралию. Возможно – я говорю «возможно», джентльмены, – мне знаком и этот человек. Расскажите, как найти морг.

Бретон беспомощно развел руками: он не понимал, почему разговор принял столь неожиданный поворот. Но Спарго поспешил воспользоваться шансом. Через минуту он уже вел мистера Кардлттона по дворам и переулкам Темпла в сторону Блэкфрайарз. Повернув на Тюдор-стрит, они столкнулись с мистером Элфиком.

– А я иду в морг, – сообщил он. – Полагаю, вы тоже, Кардлттон? Узнали что-нибудь новое? Спарго решил сделать пробный выстрел – сам не зная, в какую сторону.

– Убитого звали Марбери, – произнес он. – Он прибыл из Австралии.

Он не спускал глаз с мистера Элфика, но тот не выразил ничего похожего на удивление, проявленное прежде мистером Кардлттоном. Наоборот, старый адвокат остался невозмутимым.

– Неужели? – отозвался он. – Марбери? Из Австралии? Что ж... надо посмотреть на тело.

Пока джентльмены находились в морге, Спарго и Бретон ждали их на улице. Когда через некоторое время оба старика вышли, по их лицам нельзя было прочесть ничего определенного.

– Этот человек нам незнаком, – сообщил мистер Элфик. – Полагаю, вы уже слышали от мистера Кардлттона, что мы знали нескольких людей, уехавших в Австралию, а поскольку покойного нашли в Темпле, естественно было предположить, что это мог быть один из них. Но... мы его не опознали.

– Мы его не опознали, – подтвердил мистер Кардлттон.

Вскоре джентльмены удалились, а Бретон посмотрел на Спарго.

– Можно подумать, кому-то могло прийти в голову, что они знакомы! – воскликнул он. – Что будете делать дальше? Мне пора идти.

Журналист, ковывая тростью трещину в брусчатке, ответил:

– Я пойду в редакцию.

Он развернулся и направился в штаб-квартиру «Наблюдателя» – вернее, в тот кабинет, где сидел личный секретарь главного редактора.

– Мне нужна аудиенция у шефа, – заявил Спарго.

Секретарь поднял голову:

– Это срочно?

– Чрезвычайно! Организуйте.

Оказавшись в кабинете редактора, чьи причуды были ему хорошо известны, Спарго не стал терять времени.

– Вы слышали об убийстве на Миддл-Темпл? – спросил он.

– В общих чертах, – ответил редактор.

– Я находился там, когда нашли труп, – сообщил Спарго и вкратце описал предпринятые им действия. – Уверен, дело не совсем обычное. В нем полно всяких загадок и... неясностей. Я хочу им заняться. Вникнуть во все детали. Я сделаю из него такую историю, каких у нас не было сто лет! Поручите ее мне. Для начала дайте мне две колонки в завтрашнем утреннем выпуске. Это будет бомба!

Редактор молча смотрел в взволнованное лицо Спарго.

– А как же ваша основная работа? – произнес он.

– Все под контролем. У меня впереди целая неделя – хватит на статьи и интервью. Я справлюсь.

– У вас есть какой-то конкретный план? – поинтересовался редактор.

– У меня есть великолепный план! – воскликнул Спарго. Он твердо и решительно смотрел в лицо боссу, пока на губах редактора не появилась легкая улыбка. – Вот почему я хочу

этим заняться, – добавил журналист. – Поверьте, я не хвастаюсь, просто я могу сделать это лучше, чем кто-либо другой.

– Хотите найти того, кто его убил?

Спарго энергично кивнул:

– Я его обязательно найду.

Редактор взял карандаш и склонился над столом.

– Хорошо, – произнес он. – Действуйте. Две колонки ваши.

Спарго удалился в свой рабочий кабинет, достал пачку чистой бумаги и принялся писать. Скоро они узнают, как он умеет вести дела!

Глава шестая

Свидетель встречи

На следующее утро Роналд Бретон ворвался в кабинет Спарго, сжимая в руках свежий номер «Наблюдателя», и начал с восторгом размахивать им перед журналистом.

– Замечательно! – крикнул он. – То, что надо! Поздравляю вас от всей души. Мне безумно нравится ваша манера!

Спарго лениво зевнул, перелистывая биржевые сводки:

– Моя манера?

– Да, то, как вы об этом написали. Это в сто раз лучше, чем обычные унылые отчеты об убийстве. Ваш репортаж читается как роман!

– Пустяки, просто новый способ подачи материала, – усмехнулся Спарго.

Он взял газетный номер и критичным взглядом окинул две свои колонки (каким-то чудом превратившиеся в три) с хорошо подобранным шрифтом, фотографией убитого, схемой места преступления и факсимильной копией записки, найденной в кармане жертвы.

– Да, всего лишь новый способ подачи материала, – пробормотал он. – Вопрос в том, достигнет ли он своей цели.

– А какая у вас цель? – спросил Бретон.

Спарго достал из обшарпанного ящика коробку с сигаретами и пододвинул ее к гостю, закурил сам и откинулся на спинку стула, водрузив ноги на письменный стол.

– Цель? Цель в том, чтобы поймать убийцу.

– Так вы всерьез взялись за данное дело?

– Да.

– И... не только ради громкой статьи?

– Я намерен поймать убийцу Джона Марбери, – отчеканил Спарго. – И я его поймаю.

– Но улики совсем немного, – заметил Бретон. – Я, например, не знаю ни одной. А вы?

Спарго выпустил к потолку спиральную струйку дыма.

– Мне хочется узнать все, – пробормотал он. – Я изголодался по фактам. Кто такой Джон Марбери? Что он делал после того, как в добром здравии вышел из отеля «Англо-Ориент», и до того, как его нашли с проломленным черепом на Миддл-Темпл? Где он взял клочок бумаги? Но прежде всего, мой дорогой Бретон, я хочу выяснить, что его связывает с вами.

Он бросил острый взгляд на молодого адвоката, и тот понимающе кивнул:

– Да, загадка, хотя...

– Что?

– Мне кажется, что это просто мог быть какой-то человек, ведущий тяжбу по коммерческим делам или собиравшийся ее вести, которому порекомендовали обратиться ко мне, – объяснил Бретон.

– Ну да, – усмехнулся Спарго. – Учитывая, что вы только вчера провели первое дело... Простите, мой друг, но ваша слава пока не достигла самых отдаленных уголков земли! К тому же, насколько мне известно, клиент может обращаться к адвокату через третье лицо.

– Вы правы и в том, и в другом случае, – добродушно подтвердил Бретон. – Разумеется, все это догадки, но мне известны примеры, когда клиент обращался сначала к знакомому юристу, а тот ему рекомендовал адвоката. Вероятно, какая-то добрая душа хотела оказать мне услугу и дала ему мой адрес.

– Не исключено. Но он не стал бы приходить на консультацию в полночь. Послушайте, Бретон! Чем дольше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что в данном деле скрыта какая-то тайна. Вот почему я попросил у шефа разрешения написать статью. Надеюсь, что опублико-

ванное фото – пусть и сделанное с мертвеца – и факсимиле записки выведут меня на человека, который сможет...

В этот момент в комнату заглянул один из посыльных, дежуривших в холле редакции. Судя по серьезному выражению его лица, он принес какую-то важную новость.

– Я уже знаю, что он скажет, – пробормотал Спарго. – В чем дело? – обратился он к молодому человеку.

Тот подошел к столу.

– Мистер Спарго, там внизу стоит человек и говорит, что хочет побеседовать с кем-нибудь насчет этой статьи об убийстве в утреннем номере. Мистер Баррет велел, чтобы я обратился к вам.

– Какой человек?

– Не знаю, сэр. Я дал ему заполнить бланк, но он заявил, что не будет ничего писать, а хочет только поговорить с тем, кто написал статью об убийстве.

– Приведи его сюда, – распорядился Спарго.

Когда посыльный ушел, он с улыбкой повернулся к Бретону:

– Так и знал, что рано или поздно кто-нибудь появится. Вот почему я быстро проглотил завтрак и примчался сюда уже в десять часов. Сколько вы поставите на то, что наш гость сообщит нам важную информацию?

– Нисколько, – ответил Бретон. – Наверняка это какой-нибудь психопат или чудака, мечтающий поделиться своими бредовыми идеями.

Внешность человека, которого через несколько минут привел посыльный, подтверждала опасения Бретона. Это был простоватый мужчина средних лет, высокий, щуплый, с шевелюрой желтоватого оттенка и глазами цвета жухлой синевы. Одет он был, надо полагать, в свой лучший выходной костюм, состоявший из жемчужно-серых брюк и черного пиджака с повязанным сверху пестрым шейным платком. Подавленный великолепием парадных залов, посетитель уже при входе снял шляпу и, наклонив бритую голову, осторожно шагнул на толстый ковер, устилавший пол в рабочем кабинете Спарго. Его блеклые глаза с изумлением уставились на роскошный интерьер.

– Как поживаете, сэр? – вежливо осведомился Спарго, указав на одно из мягких кресел, которыми славился «Наблюдатель». – Насколько я понимаю, вы хотели меня видеть?

Посетитель еще ниже склонил голову, сел на краешек кресла и положил шляпу на пол, но тут же снова ее взял и пристроил на коленках, после чего робко и доверчиво уставился на Спарго.

– Кого я хотел видеть, сэр, – начал он, по-деревенски выговаривая слова, – так это того джентльмена, который написал у вас в газете статью насчет убийства на Миддл-Темпл.

– Он перед вами, – произнес Спарго. – Я автор.

Посетитель просиял:

– В самом деле, сэр? Отличная получилась статейка, доложу я вам. А как, простите, ваше имя? По правде говоря, я всегда свободнее общаюсь с человеком, если мне известно его имя.

– Я тоже, – согласился Спарго. – Меня зовут Фрэнк Спарго.

– А я Уильям Уэбстер. Я владею фермой в Госбертоне, графство Оук. Мы с женой, – продолжил гость, широко улыбаясь и поглядывая на журналиста и адвоката, – приехали в Лондон на праздник. Нам все очень понравилось: и погода, и остальное.

– Рад за вас. Итак, вы хотели поговорить со мной насчет убийства, мистер Уэбстер?

– Да, сэр. Видите ли, я думаю, мне известно кое-что такое, что пригодится вам для работы. Вот только я не мастер рассказывать истории и, если позволите, буду говорить как умею.

– Разумеется, – кивнул Спарго. – Так будет лучше.

– Так вот, сэр, сегодня утром, пока я дожидался завтрака – а в отелях завтраки подают очень поздно, – на глаза мне попала ваша статейка, и когда я прочитал ее и посмотрел картинку, то сказал жене: «Знаешь, милая, после завтрака я немедленно отправлюсь туда, где печатают эту газету, и кое-что расскажу им». – «И что ты им расскажешь, хотела бы я знать?» Ну, или что-то в этом роде, мистер Спарго.

– Мистер Уэбстер, – пробормотал журналист, – ваша жена – мудрая женщина. Так что вы хотели рассказать?

Посетитель заглянул в свою шляпу, поднял голову и улыбнулся.

– Вчера вечером моя жена отправилась в гости к одной своей подруге, которая живет в Клэпхеме, чтобы попить чайку и поболтать с ней о всяких женских делах. Что ж, говорю себе, мне там делать нечего, схожу-ка я лучше в палату общин. У меня есть сосед, он говорил, что можно просто так подойти к полисмену у входа и сказать, что хочешь встретиться со своим депутатом в парламенте. Я пришел и сообщил, что хочу увидеть нашего депутата, мистера Стоунвуда, – вы, конечно, о нем слышали, он меня отлично знает. Меня пропустили, выписали билетик и велели ждать, пока его найдут. Я сел в просторном зале, там полно всяких людей, а на стенах картины, красивые. Я долго разглядывал их, а потом чувствую, рядом кто-то сидит – такой же посетитель, как и я, и тоже кого-то ждет. Так вот, сэр, клянусь вам чем хотите: это был тот самый джентльмен, которого вы описали в своей статье, – тот самый, кого убили! Утром, заглянув в газету, я сразу узнал его.

Спарго, до сих пор рассеянно рисовавший каракули в своем блокноте, поднял голову:

– Когда это было?

– Между четвертью и половиной девятого, сэр, – ответил мистер Уэбстер.

– Продолжайте, прошу вас.

– Мы поболтали с ним немного, пока они искали наших депутатов. Я заметил, что еще ни разу не бывал в парламенте. «И я тоже!» – ответил он. – Просто зашел из любопытства», – добавил он и засмеялся – странным таким смехом. А перед этим случилось то, из-за чего я, собственно, к вам и явился.

– Говорите!

– Так вот, сэр, к нам подошел один джентльмен – в том большом зале, где мы сидели, – высокий, красивый, с седой бородой. Шляпы на нем не было, а в руках он нес кучу всяких бумаг, поэтому я решил, что он тоже работает в парламенте. Неожиданно джентльмен – тот, что сидел рядом со мной, – сильно вздрогнул и воскликнул так, словно...

– Вы уверены, что слышали его слова? – спросил Спарго. – Вы хорошо их слышали? Вы можете процитировать нам то, что он сказал?

– Я говорю только то, в чем совершенно уверен, сэр. Сосед слегка привстал с места и воскликнул: «Боже милостивый!» – довольно резко, а потом назвал его по имени. Вроде Дейнсуорт или Пейнсуорт. Затем он бросился к этому джентльмену и взял его под руку.

– А джентльмен?

– Тот чуть не подпрыгнул, сэр. Он отступил и увидел, кто его остановил. Тогда они пожали друг другу руки, заговорили о чем-то между собой и куда-то ушли. Больше я их не видел. Но когда утром я прочитал вашу статью, сэр, и увидел фото, то сказал себе: «Это тот самый человек, с кем я сидел в палате общин!»

– А если я покажу вам фотографию того джентльмена с седой бородой? – произнес Спарго. – Вы узнаете его?

– Несомненно, сэр, – ответил мистер Уэбстер. – Я хорошо разглядел его.

Журналист шагнул к шкафчику, достал из него толстую папку и стал листать ее.

– Подойдите сюда, пожалуйста, мистер Уэбстер.

Фермер пересек комнату.

– Это полный список фотографий действующих членов палаты общин, – объяснил Спарго. – Взгляните на них. Только смотрите внимательно – я не хочу, чтобы вы ошиблись.

Он оставил мистера Уэбстера перелистывать страницы, а сам вернулся к Бретону.

– Видите? – прошептал он. – Мы уже близко.

– К чему? – удивился Бретон. – Я не понимаю...

Его перебил громкий возглас фермера:

– Это он, сэр! Тот самый джентльмен – я его отлично помню.

Молодые люди поспешили к гостю. Фермер указывал заскорузлым пальцем на снимок, под которым стояла подпись: «Стивен Эйлмор, эсквайр, депутат от Брукминстера».

Глава седьмая Мистер Эйлмор

Спарго был начеку и скорее почувствовал, чем заметил, как вздрогнул Бретон; сам он остался невозмутимым. Его взгляд небрежно скользнул по фото, которое показывал мистер Уэбстер.

– Вот как? – отозвался журналист. – Значит, это он?

– Он самый, сэр, – подтвердил Уэбстер. – Я сразу его узнал.

– Вы абсолютно уверены? В палате общин найдется немало депутатов с бородой, и многие из них седые.

Но тот решительно покачал головой:

– Это он, или меня зовут не Уильям Уэбстер, сэр! И именно с ним говорил покойный джентльмен, фотографию которого я видел в газете. Больше мне нечего добавить, сэр.

– Прекрасно, – кивнул Спарго. – Чрезвычайно вам признателен. Я обязательно увижусь с мистером Эйлмором. Оставьте мне свой адрес в Лондоне, мистер Уэбстер. Как долго вы пробудете в городе?

– Я живу в отеле «Бичкрофт», в Блумсберри, сэр, и проведу в Лондоне еще неделю. Надеюсь, мой рассказ вам чем-нибудь поможет. Как я говорил своей жене...

Спарго, уже не слушая его, выпроводил посетителя и закрыл за ним дверь. Он вернулся к Бретону, который все еще стоял над альбомом с фотографиями.

– Ну, что я вам говорил? – воскликнул журналист. – Я обещал, что появятся новости? Вот они!

Бретон с задумчивым видом кивнул:

– Вы правы. Уж новость так новость!

– А в чем дело?

– Мистер Эйлмор – отец моей невесты.

– Знаю. Вы сами представили мне вчера его дочерей.

– Но... как вы узнали, что они его дочери?

Спарго рассмеялся и снова сел за стол.

– Интуиция, – ответил он. – Впрочем, сейчас не важно. В любом случае кое-что мы уже раскопали. Марбери – если это его настоящее имя – незадолго до смерти находился в компании мистера Эйлмора. Отлично!

– И что вы намерены делать?

– Встретиться с мистером Эйлмором.

Спарго снял трубку аппарата, стоявшего на столе; левой рукой он уже листал телефонный справочник.

– Послушайте, – произнес Бретон, – я знаю, где мистер Эйлмор всегда бывает в двенадцать часов дня. В клубе «Атлантик и Пасифик», в Сент-Джеймсе. Если хотите, я пойду с вами.

Спарго взглянул на часы и положил трубку.

– Ладно, – сказал он. – Сейчас одиннадцать. У меня есть одно дело. Ровно в полдень жду вас у входа в клуб.

– Я там буду, – пообещал Бретон.

Он направился к двери и, уже взявшись за ручку, обернулся к журналисту:

– Что, по-вашему, все это означает?

Спарго пожал плечами.

– Посмотрим, что скажет мистер Эйлмор, – ответил он. – Похоже, они с Марбери старые знакомые.

Бретон ушел, и Спарго, оставшись один, начал разговаривать сам с собой.

– Интересная история, – бормотал он себе под нос. – Дейнсуорт, Пейнсуорт – что-то из двух... Наш фермер оказался очень наблюдательным, это хорошо... Но с какой стати мистера Стивена Эйлмора узнают как Дейнсуорта или Пейнсуорта? Кто он такой, этот мистер Стивен Эйлмор, если не считать того, что мне о нем уже известно?

Рука Спарго потянулась к одному из справочников, лежавших на его столе; он с профессиональной быстротой нашел нужную страницу и прочитал вслух:

«Эйлмор, Стивен, член парламента, депутат от Брукминстера с 1910 г. Адрес: 23, Сент-Оузит-корт, Кенсингтон: Буэна-Виста, Грейт-Марлоу. Член клуба «Атлантик и Пасифик», а также Союза городских предпринимателей. Интересуется южноамериканской промышленностью».

– Да уж, – вздохнул Спарго, отложив книгу, – не слишком познавательное. В любом случае первый шаг сделан. А теперь сделаем второй.

Он снова раскрыл фотоальбом, ловко извлек из него снимок Эйлмора и убрал его в конверт. Спрятав конверт в карман, вышел на улицу, подозвал такси и попросил отвезти его в отель «Англо-Ориент». Это и было то самое «дело», о котором он говорил Бретону: Спарго хотелось разобраться с ним без свидетелей.

Войдя в вестибюль отеля, он увидел, что миссис Уолтерс сидит в той же комнате за стойкой; она сразу его узнала и проводила к себе в гостиную.

– Я вас помню, – произнесла она, – вы приходили с детективом – мистером Расбери.

– Он больше не появлялся?

– С тех пор – нет. Я как раз думала, не зайдет ли он снова, потому что... – Она неуверенно взглянула на журналиста. – Вы его друг, не так ли? Вы тоже знаете об этом деле?

– Мы вместе расследуем его, – заверил Спарго. – Можете доверять мне так же, как ему.

Миссис Уолтерс достала из кармана старый кошелек. Открыв его, извлекла какой-то маленький предмет, завернутый в папиросную бумагу.

– Вот, – сказала она, разворачивая сверток, – сегодня утром мы нашли это в двадцатом номере – он лежал под туалетным столиком. Его обнаружила горничная и принесла мне. Сначала я решила, что это кусок стекла, но Уолтерс заявил, что это алмаз. А потом официант, который относил виски мистеру Марбери и его гостю, рассказал мне, что, когда он вошел в комнату, оба джентльмена рассматривали подобные предметы, лежавшие на столе. Представляете?

Спарго потрогал блестящий камешек.

– Да, это алмаз, – подтвердил он. – Спрячьте его, миссис Уолтерс. Скоро я увижусь с Расбери и сообщу ему про вашу находку. А теперь насчет второго джентльмена. Вы сможете узнать его по фотографии? Смотрите, это он?

По лицу миссис Уолтерс было ясно, что она запомнила посетителя не хуже, чем ее муж.

– Да! – воскликнула она. – Этот джентльмен приходил с мистером Марбери – я бы узнала его из тысячи. Да его кто угодно у нас узнает: спросите носильщика или официанта.

– Хорошо, я поговорю с ними и выясню, видели ли они этого человека.

Оба опрошенных без малейших сомнений узнали мужчину на фотографии, и Спарго, перебросившись еще парой слов с хозяйкой заведения, отправился в клуб «Атлантик и Пасифик», где у входа его ждал Бретон.

Спарго с интересом разглядывал человека, который вышел к ним в комнату для посетителей. Он видел фотографию мистера Эйлмора, но никогда не встречался с ним в реальной жизни. Депутат от Брукминстера относился к тому старомодному и быстро вымирающему типу законодателей, которые скромно и незаметно делают свою работу, заседая в бесконечных комитетах и послушно выполняя указания своих партийных боссов, без малейших попыток высказать собственное мнение или как-то иначе проявить индивидуальность. Теперь, увидев его, журналист понял, что внешность депутата соответствовала его ожиданиям: это был

замкнутый и сдержанный мужчина с холодными манерами, свидетельствовавшими о строгом воспитании и привычке тщательно взвешивать свои слова. Он проявил чисто символический интерес к Спарго, которого представил ему Бретон, и сохранил полное спокойствие, когда журналист вкратце – или, лучше сказать, с намеренной краткостью – сообщил ему о причине своего визита.

– Да, – невозмутимо произнес он, – вы правы, я действительно встретился с Марбери и провел с ним несколько часов. Мы столкнулись в холле палаты общин. Я очень удивился. Мы не виделись... даже и не помню сколько лет.

Он помолчал и с сомнением взглянул на Спарго, словно спрашивая себя, можно ли доверять газетчику. Спарго молча ждал. Вскоре мистер Эйлмор продолжил:

– Я прочитал вашу статью в утреннем номере. И как раз перед вашим приходом размышлял, куда мне лучше обратиться: к вам или в полицию? Вы ведь собираете материал для своей газеты?

– Не беспокойтесь, я не стану ничего публиковать без вашего одобрения, – заверил Спарго. – Если вы можете сообщить мне какую-нибудь информацию...

– Хорошо, – пожал плечами мистер Эйлмор, – я не возражаю. На самом деле мне мало известно. Много лет назад у нас с Марбери были... деловые отношения. Но уже лет двадцать я о нем ничего не слышал. Когда в тот вечер он подошел ко мне в холле, я с трудом вспомнил его. Он попросил меня дать ему совет, и поскольку в тот момент дел у меня в парламенте было немного, а в прошлом мы считались с ним... почти друзьями, я согласился, и мы вместе отправились в отель. По дороге разговорились, и Марбери рассказал, что недавно прибыл из Австралии и хотел бы посоветоваться со мной насчет алмазов. Австралийских алмазов.

– А я и не знал, что в Австралии есть алмазы, – заметил Спарго.

На губах мистера Эйлмора появилась легкая улыбка:

– Алмазы в Австралии существуют, и иногда их находят. Это началось с тех пор, как европейцы попали на материк, и, по оценкам экспертов, запасы алмазов могут быть очень велики. В общем, у Марбери были австралийские алмазы, и он показал мне их в отеле. Когда мы вошли в номер, Марбери высыпал на стол большую горсть, и мы внимательно рассмотрели их.

– Что он сделал с ними потом?

– Убрал в жилетный карман, спрятав в маленький кожаный футляр, где они у него хранились. Там было камней двадцать, не более, и все мелкие. Я посоветовал ему обратиться к какому-нибудь специалисту, например, к Стритеру. Кстати, я знаю, откуда у него взялся адрес мистера Бретона.

Адвокат и журналист переглянулись. Спарго сжал в руке карандаш, которым обычно делал заметки в блокноте.

– Он получил его от меня, – продолжил мистер Эйлмор. – Запись на бумажке сделана моей рукой. Марбери сказал, что ему нужна консультация юриста. Сам я плохо разбираюсь в подобных делах, поэтому предложил обратиться к мистеру Бретону, чтобы тот посоветовал ему какого-нибудь опытного юриста. Я написал адрес и имя мистера Бретона на листочке, который Марбери оторвал от письма, лежавшего у него в кармане. Вообще я обратил внимание, что на теле покойного не нашли никаких денег и бумаг. Однако, когда мы с ним расстались, при нем было немало золота, уже упомянутые мной алмазы и пачка писем.

– Где вы с ним расстались, сэр? – спросил Спарго. – Вы вышли вместе из отеля?

– Да. Потом прошлись немного по улице. В конце концов, мы давно не виделись, и нам было о чем поговорить, а погода стояла прекрасная. Я проводил Марбери через мост Ватерлоо, и вскоре мы расстались. Это все, что мне известно. Если хотите знать мое мнение...

Он замолчал, и Спарго терпеливо дождался продолжения фразы.

– Если хотите знать мое мнение – хотя оно не основано на каких-то определенных фактах, – мне кажется, что Марбери подстерег и убил человек, знавший, что у него при себе много ценностей. Его же ограбили.

– У меня тоже есть одна версия, – робко вставил Бретон. – Я ничего не утверждаю, просто пришло в голову... Возможно, Марбери выследил один из пассажиров, плывших с ним на корабле. По ночам Миддл-Темпл очень укромное местечко.

Эта версия осталась без комментариев, и мистер Эйл-мор поднялся, глядя на часы.

– Боюсь, мистер Спарго, это все, что я могу вам сказать, – произнес он. – Разумеется, по делу Марбери будет суд, где я изложу все это еще раз. А пока можете опубликовать то, что сочтете нужным.

Спарго оставил Бретона наедине с его будущим тестем, а сам направился в Новый Скотленд-Ярд. Они с Расбери договорились обмениваться новостями, и теперь ему было что рассказать.

Глава восьмая

Человек из банка

Расбери сидел один в маленькой и невзрачной комнатке, примечательной только своей спартанской обстановкой и особым канцелярским холодком, свойственным полицейским кабинетам. Ее интерьер составляли простой стул с двумя стульями, сильно выцветшая карта Лондона, несколько блеклых фотографий преступников и старая полка с потрепанными книгами. Сам детектив сидел за столом, жуя незажженную сигару, и рисовал на листке бумаги какие-то каракули. Увидев Спарго, он поднял голову и протянул ему руку:

– Поздравляю с прекрасной работой в «Наблюдателе»! Читается на одном дыхании. Думаю, они не зря поручили вам данное дело. Вы взяли быка за рога, верно, мистер Спарго?

Журналист опустил на стул рядом с Расбери, закурил сигарету и, выпустив дым, сделал неопределенное движение рукой, которое можно было принять за утвердительный ответ.

– Я вот зачем пришел, – начал он. – Мы с вами вроде бы договорились, что будем партнерами в этом деле. Отлично, – добавил он, увидев кивок Расбери. – Есть какой-нибудь прогресс?

Детектив, ухватившись большими пальцами за края жилета, откинулся на стуле и покачал головой.

– По правде говоря, никакого, – ответил он. – Следствие идет своим путем. Проводятся опросы, поиски свидетелей. Мы навели справки о путешествии Марбери в Англию. Пока выяснили лишь то, что он действительно находился среди пассажиров корабля, недавно прибывшего из Саутгемптона, – как нам и сказали в отеле «Англо-Ориент». По приезде он сошел вместе со всеми на берег и, судя по всему, отправился поездом в Лондон. Вот и все. Ничего нового. Мы отправили телеграмму в Мельбурн и ждем информации от тамошней полиции. Хотя вряд ли они сообщат что-либо интересное.

– Ясно, – кивнул Спарго. – Ну а вы лично чем занимаетесь? Раз уж мы партнеры, я должен знать о ваших планах. В данный момент, я вижу, рисуете?

Расбери рассмеялся:

– Если честно, обычно я прихожу сюда, чтобы просто посидеть и пораскинуть мозгами. В кабинете, как вы, наверно, заметили, тихо. А когда я размышляю, то всегда что-нибудь рисую. Я как раз планировал свой следующий шаг...

– И в чем он заключается?

– Ну... я намерен найти человека, с которым Марбери приходил в гостиницу.

Спарго хлопнул ладонью по столу.

– Я его уже нашел! – объявил он. – Вот зачем я написал статью: чтобы его найти. Я знал, что это сработает. У меня нет никакого опыта в подобных вопросах, но я не сомневался, что поймаю рыбку на крючок. И поймал.

Расбери с восхищением посмотрел на журналиста.

– Превосходно! – воскликнул он. – И кто же это?

– Давайте я расскажу вам всю историю. Хотя бы вкратце. Сегодня утром ко мне в редакцию явился некий Уэбстер – фермер, приехавший в Лондон из провинции, – и сообщил, что вчера вечером был в палате общин и видел, как Марбери встретился там с каким-то мужчиной, членом парламента, а потом они вместе ушли. Я показал ему фото всех депутатов палаты общин, и он сразу узнал его. Тогда я взял снимок и поехал с ним в «Англо-Ориент», где миссис Уолтерс узнала в нем человека, который приходил вместе с Марбери в отель и оставался у него в номере. Этот человек – мистер Стивен Эйлмор, депутат от Брукминстера.

Расбери присвистнул.

– Да, я его знаю, – произнес он. – Разумеется, я помню описание миссис Уолтерс. Довольно типичная внешность – высокий рост, седая борода, хорошо одет. Хм! Нам надо познакомиться с мистером Эйлмором.

– Я с ним уже виделся. У меня был повод. Дело в том, что миссис Уолтерс рассказала мне еще кое-что. В то утро они нашли в двадцатом номере лежавший на полу алмаз, а позже официант, приносивший выпивку Марбери и его гостю, сообщил, что заметил, как они разглядывали такие камешки. Вот я и отправился с визитом к мистеру Эйлмору. Вы помните молодого Бретона, адвоката? Он составил мне компанию.

– Тот парень, чье имя и адрес написаны на бумажке, – кивнул Расбери. – Помню.

– Бретон обручен с дочерью Эйлмора, – продолжил Спарго. – Он отвел меня в его клуб. И Эйлмор четко и ясно объяснил свое участие в данном деле, разрешив мне опубликовать рассказ в газете. Он многое проясняет. Эйлмор знал Марбери еще двадцать лет назад. Потом потерял его из виду. В вечер перед убийством они случайно встретились в холле палаты общин. Марбери хотел посоветоваться с Эйлмором насчет алмазов, которые привез из Австралии. Они вместе отправились в отель и провели там какое-то время, затем прогулялись до моста Ватерлоо, где Эйлмор расстался с ним и пошел домой. Теперь насчет клочка бумаги, который нашли у покойного. Марбери попросил адрес какого-нибудь опытного юриста; Эйлмор такого не знал, но предложил обратиться к Бретону и дал его координаты. Он сам написал его адрес на бумажке. Вот его рассказ. Но есть одна важная деталь. Эйлмор утверждает, что когда он оставил Марбери, у того были при себе алмазы, спрятанные в кожаном футляре, а также много золота и пачка писем и бумаг. Но когда его нашли мертвым на Миддл-Темпл, никаких вещей при нем не обнаружили.

Спарго замолчал и закурил новую сигарету.

– Вот и все, что мне известно, – закончил он. – Что вы об этом думаете?

Расбери снова откинулся на стуле – похоже, это была его любимая поза – и уставился на пыльный потолок.

– Даже не знаю, – ответил он. – Конечно, кое-что встало на свои места. Эйлмор и Марбери расстались у моста Ватерлоо поздно вечером. Это недалеко от Миддл-Темпл. Но... как Марбери мог попасть туда незамеченным? Мы опросили всех соседей, никто его не видел. Конечно, адрес Бретона на бумажке – зацепка, но даже в колониях должны знать, что в Темпле никто не работает по ночам. Разве нет?

– Пожалуй, – протянул Спарго. – Но на это можно многое возразить. Например, что Марбери являлся любителем ночных прогулок. Проходя мимо Темпла, он увидел там много света – это вполне возможно. Я сам лунной ночью прогуливался в Темпле и легко туда вошел и вышел обратно. Но... если Марбери убили из-за ограбления, как и где он мог встретиться с убийцей? Преступники не расхаживают по ночам на Миддл-Темпл.

Детектив покачал головой, взял карандаш и снова начал рисовать каракули.

– У вас есть какая-нибудь версия, мистер Спарго? – вдруг спросил он.

– А у вас?

– Пожалуй, нет, – неохотно признал Расбери. – Вернее, не было. Но теперь, когда вы мне все это сказали, я кое-что подумал. Вероятно, Марбери, расставшись с Эйлмором, решил немного прогуляться и столкнулся с человеком, который заманил его в Темпл, а затем ограбил и убил. В этом старом квартале есть много всяких запутанных лазеек и потайных местечек, и если преступник хорошо знал район, ему ничего не стоило спрятаться в каком-нибудь укромном уголке и отсидеться до утра. Наверное, он имел доступ к одному из офисов или квартире: в таком случае, убив и ограбив жертву, он мог провести там несколько часов. Полагаю, человек, убивший Марбери, находился всего в двадцати шагах от того места, где вы смотрели на его труп.

Прежде чем Спарго успел ответить, в комнату вошел полицейский и прошептал несколько слов на ухо Расбери.

– Приведите немедленно, – распорядился тот.

Как только сотрудник вышел, он с довольным видом повернулся к Спарго:

– Какой-то человек хочет поговорить о деле Марбери. Надеюсь, мы узнаем что-нибудь интересное.

– Похоже, надо только возбудить интерес публики, чтобы новости посыпались как из рога изобилия, – заметил журналист. – Вопрос в том, как мы ими распорядимся.

Через минуту полицейский вернулся с мужчиной в сюртуке и цилиндре, похожим на преуспевающего финансиста. Окинув взглядом Спарго, он сел у стола и повернулся к Расбери, желая говорить именно с ним.

– Насколько я понимаю, вам поручено расследовать убийство Марбери, – начал он. – У меня есть важная информация по данному делу. Я прочитал журналистский отчет в «Наблюдателе» и видел портрет убитого, поэтому первой моей мыслью было обратиться в редакцию газеты. Но потом я решил, что предпочтительнее иметь дело с полицией, а не прессой, поскольку полиция более... ответственна.

– Весьма признателен, сэр, – отозвался детектив, покосившись на Спарго. – Простите, кто вы?

– Моя фамилия Майерст, – сообщил посетитель, положив на стол визитную карточку. – Я секретарь «Лондонской депозитной компании». Надеюсь, я могу говорить откровенно? Это конфиденциально.

Расбери кивнул и откинулся на спинку стула.

– Да, чувствуйте себя свободно, мистер Майерст, – ответил он. – Разумеется, если ваша информация имеет непосредственное отношение к делу Марбери, она может стать достоянием гласности. Но пока мы будем считать это частной беседой.

– Имеет, и самое прямое, – заверил финансист. – Дело в том, что 21 июня примерно в три часа дня к нам обратился человек по имени Джон Марбери, проживавший в отеле «Англо-Ориент», район Ватерлоо, и попросил предоставить в аренду небольшой сейф. Он показал мне маленький сундучок – весьма обтрепанного вида – и объяснил, что хочет положить его в депозитную ячейку. Когда я продемонстрировал ему соответствующий сейф и рассказал о наших правилах и стоимости аренды, он заплатил за год вперед и запер в него свой сундучок, вещь размером примерно в квадратный фут. Затем добавил что-то насчет того, как стильно изменился Лондон, – он давно не был в городе, – забрал ключ и удалился. Полагаю, нет сомнений, что человек, убитый в Миддл-Темпл, – это и есть мистер Марбери.

– Никаких, мистер Майерст, – подтвердил Расбери. – И я признателен вам за визит. Вспомните, пожалуйста, еще какие-нибудь детали. Марбери что-нибудь говорил о содержимом сундучка?

– Нет. Только сказал, что хочет поместить его в надежное место.

– Даже ни словом не намекнул?

– Ни словом. Но его очень беспокоило, что сундучок может пострадать из-за пожара, ограбления или по какой-нибудь иной причине. Когда я заверил его, что в этом сейфе его собственности ничего не угрожает, он почувствовал облегчение.

– Неужели? – отозвался Расбери, многозначительно взглянув на Спарго. – Ну а сам мистер Марбери, сэр? Как он вам показался?

Мистер Майерст немного помолчал.

– Мистер Марбери, – наконец ответил он, – показался мне человеком, много повидавшим на своем веку. Перед тем как уйти, он сделал любопытное замечание. Насчет сундучка.

– Насчет сундучка? И что же он сказал?

– «Теперь сундучок в безопасности. Но когда-то он был спрятан надежнее. Много лет он был закопан в землю – и очень глубоко!»

Глава девятая

Специалист по редким маркам

– «Закопан в землю, и очень глубоко!» – повторил мистер Майерст, не сводя взгляда с детектива. – По-моему, примечательная фраза!

Расбери снова ухватился за края жилета и начал покачиваться на стуле. Он посмотрел на Спарго. Детектив уже успел изучить характер журналиста и почувствовал, как тот весь насторожился и приготовился к прыжку, словно хищник, почуявший запах дичи.

– В самом деле, весьма примечательная, мистер Майерст! – поддакнул он. – Что скажете, мистер Спарго?

Журналист медленно повернулся и в первый раз обратил свой взгляд на Майерста. Он пристально рассматривал его несколько секунд, прежде чем произнести:

– А что вы ему ответили?

Детектив решил, что настало время прояснить ситуацию:

– Позвольте представить – это мистер Спарго, журналист из «Наблюдателя». Он написал ту самую статью об убийстве Марбери, про которую вы говорили. Мистер Спарго очень заинтересован этим делом, и мы, в некотором смысле, занимаемся им вместе. Каждый в меру своих возможностей.

Секретарь внимательно взглянул на Спарго, а тот повторил вопрос:

– Что вы ему ответили, сэр?

Майерст замялся.

– В сущности, ничего, – пробормотал он. – По крайней мере, ничего определенного.

– Вы не спросили его, что он имеет в виду?

– Нет.

Спарго резко встал с места.

– В таком случае вы упустили самую потрясающую возможность, какую только можно вообразить! – возмущенно воскликнул он. – Вы только подумайте, какую историю он мог вам рассказать!

Журналист замолчал, словно сообразив, что говорить об этом бесполезно, и повернулся к Расбери, с любопытством наблюдавшему за этой сценой:

– Послушайте, Расбери, мы можем как-то открыть сундучок?

– Разумеется, – ответил детектив, поднявшись с места. – Более того: мы должны его открыть! Наверняка в нем находится какая-нибудь важная улика. Поэтому я хочу попросить мистера Майерста отправиться вместе со мной. Я должен получить ордер. Надеюсь, все будет сделано уже сегодня, в крайнем случае – завтра утром.

– Вы сможете устроить так, чтобы я при этом присутствовал? – спросил Спарго. – Отлично, Расбери. Мне пора идти, но если услышите что-нибудь новое, обязательно сообщите. А я сделаю то же самое для вас.

Он развернулся и поспешил назад в редакцию «Наблюдателя». Помощник, которому журналист поручил следить за всем происходящим в свое отсутствие, протянул ему визитную карточку:

– Этот джентльмен заходил к вам час назад, мистер Спарго. Хотел поговорить по делу Марбери, но сказал, что не может ждать, и попросил вас зайти к нему.

Спарго взял карточку и прочитал: «Мистер Джеймс Крайдер, специалист по филателистическим раритетам, 2, 021, Стрэнд». Он сунул карточку в карман и снова вышел на улицу, удивляясь, почему мистер Джеймс Крайдер не назвал себя просто «специалистом по редким маркам», что звучало бы естественнее. Пройдясь по Флит-стрит, Спарго увидел магазин, указанный на визитной карточке, и убедился в том, что, чем бы ни занимался раньше хозяин

этого заведения, теперь с его бизнесом покончено: на витрине висело объявление «Сдается в аренду». Внутри он обнаружил невысокого полного мужчину в расцвете лет, который внимательно наблюдал за тем, как упаковываются и выносятся его последние пожитки. Хозяин магазина обратил на вошедшего пронизательный и умный взгляд.

– Мистер Крайдер? – спросил Спарго.

– Он перед вами, – кивнул филателист. – А вы кто?

– Я мистер Спарго, из «Наблюдателя». Вы ко мне заходили.

Мистер Крайдер открыл внутреннюю дверцу в уголке магазинчика и пригласил журналиста войти.

– Рад вас видеть, мистер Спарго, – произнес он. – Присаживайтесь, сэр. Тут полный беспорядок – я сворачиваю бизнес. Да, я к вам заходил. Утром прочитал ваш отчет о деле Марбери, увидел фото жертвы и решил, что должен сообщить вам кое-какую информацию.

– Важную?

Мистер Крайдер прищурился и кашлянул.

– Полагаю, вы сами решите, услышав мой рассказ, – ответил он. – Учитывая все, что мне известно, я считаю ее важной. Дело было так. До вчерашнего дня я держал свой магазин открытым. Бизнес шел как обычно: в витрине стоял товар и тому подобное, в общем, все выглядело так, словно я не собирался закрываться, хотя... хотя я ухожу на покой, – со смешком добавил он. – Точнее, уже ушел: вчера вечером. Простите, разве вы не хотите записать то, что я вам скажу?

– А я уже записываю, – улыбнулся Спарго. – Каждое слово. Вот здесь, в голове.

Мистер Крайдер засмеялся и потер руки.

– Вот как! – воскликнул он. – В мое время журналисты при каждой возможности доставали блокнот и карандаш. Но вы, современные репортеры...

– Да-да, конечно, – перебил Спарго. – Так что насчет информации?

– Вчера днем в мой магазин зашел человек, по описанию похожий на мистера Марбери.

Он...

– В каком часу это было? Точное время, если можно.

– Ровно в два, если верить часам на Сент-Клеменс-Дейнс, – ответил филателист. – Могу поклясться на Библии. Он выглядел так, как вы его описали: одежда, внешность... Поэтому я сразу узнал его в газете. При нем был маленький чемоданчик.

– Что за чемоданчик?

– Довольно необычный, старомодный и потертый с виду, скорее даже не чемоданчик, а сундучок. Размером с квадратный фут, в наши дни таких уже не делают. Как я уже говорил, он был сильно обтрепан, и это сразу привлекло мое внимание. Человек поставил его на прилавок и спросил: «Вы занимаетесь редкими марками?» – «Да», – ответил я. «Я хочу вам кое-что показать, – продолжил он, открыв сундучок. – Вот...»

– Минутку, – вмешался журналист, – а где он взял ключ от сундучка?

– Из общей связки, которая висела у него на разъемном кольце. Он достал ее из левого кармана брюк. Не сомневайтесь, я все замечаю, молодой человек! Итак, посетитель открыл сундучок. В нем было полно бумаг – по крайней мере, сверху лежали какие-то документы, перевязанные красной тесьмой. Чтобы вы убедились, как внимательно я отношусь к деталям, добавлю, что бумаги пожелтели от времени, а тесьма выцвела так, что стала бледно-розовой.

– Превосходно, – пробормотал Спарго. – Продолжайте, сэр.

– Он сунул руку в бумаги и вытащил конверт. А затем извлек из конверта очень редкий и ценный набор колониальных марок – самого первого выпуска. «Я только что приехал из Австралии, – объяснил человек. – Мой друг попросил меня продать марки в Лондоне, и, проходя по улице, я заметил вывеску вашего магазина. Сколько вы дадите за эти марки?»

– Деловой подход, – усмехнулся Спарго.

– Да, я сразу понял, что он не любит ходить вокруг да около, – согласился мистер Крайдер. – Насчет марок у меня не было никаких сомнений, как и насчет их стоимости. Но мне пришлось объяснить, что сегодня я закрываю магазин и не собираюсь заключать новых сделок, поэтому ничем не могу ему помочь. «Хорошо, – сказал он, – но ведь вы не единственный филателист в Лондоне? Можете мне порекомендовать какую-нибудь хорошую фирму?» – «Я могу порекомендовать целую дюжину фирм, – ответил я. – Но лучше сделаем по-другому. Я назову вам имя и адрес частного коллекционера, он с удовольствием приобретет у вас набор и даст за него хорошую цену». – «Запишите их, пожалуйста, – сказал он, – и спасибо за помощь». Потом я дал ему небольшой совет насчет цены, какую следует запросить, и записал имя и адрес того человека, о котором говорил.

– И кто же это? – спросил Спарго.

– Мистер Николас Кардлтон, Миддл-Темпл, дом Пилкокса, квартира 2. Мистер Кардлтон – один из самых известных и уважаемых филателистов в Европе. И я знал, что у него нет данного набора.

– Я знаком с мистером Кардлтоном, – заметил Спарго. – Марбери нашли мертвым в двух шагах от его квартиры.

– Вот именно! – подхватил мистер Крайдер. – Поэтому я сразу решил, что когда его убили и ограбили, он направлялся к мистеру Кардлтону.

Спарго озадаченно посмотрел на хозяина лавки:

– Вы думаете, он направлялся к пожилому джентльмену, чтобы продать ему марки... после полуночи? Сомневаюсь!

– Возможно. – Мистер Крайдер пожал плечами. – Вы мыслите и спорите по-современному и, конечно, лучше знаете, что и как. Но... как вы объясните, что я дал ему адрес мистера Кардлтона, а через несколько час его тело нашли буквально на пороге его дома?

– Никак не объясняю. Я просто стараюсь выяснить правду.

Мистер Крайдер оставил его слова без комментариев. Некоторое время он молча разглядывал своего посетителя, словно обдумывая что-то, затем покачал головой и предложил гостю сигарету. Спарго выкурил ее, а потом проговорил:

– То, что вы мне рассказали, мистер Крайдер, весьма ценно, и я очень признателен вам. Позвольте задать вам несколько вопросов?

– Хоть тысячу, – улыбнулся тот.

– Марбери упоминал, что собирается пойти к Кардлтону?

– Да. Говорил, что сделает это сегодня же.

– Вы сообщили мистеру Кардлтону то же самое, что и мне?

– Да. Всего час назад, когда возвращался сюда из редакции вашей газеты. Я встретил его на Флит-стрит и все ему рассказал.

– Марбери к нему заходил?

– Нет! Он понятия не имеет, кто он такой. Точнее, не имел до тех пор, пока не услышал об убийстве. Он сказал, что вместе со своим другом мистером Элфиком, еще одним филателистом, ходил посмотреть на тело. Им пришло в голову, что это может быть кто-то из старых знакомых, но они его не опознали.

– Я в курсе, – отозвался Спарго. – Видел их обоих в морге. Еще вопрос. Марбери, уходя от вас, убрал марки в свой чемоданчик?

– Нет. Он положил их в правый нагрудный карман, запер свой сундучок и ушел, взяв его в левую руку.

Спарго возвращался по Флит-стрит, не замечая ничего вокруг. Он что-то бормотал себе под нос и продолжал говорить сам с собой до тех пор, пока не оказался в своем рабочем кабинете. Это была одна и та же короткая фраза, которую он повторял снова и снова: «Шесть часов, шесть часов, шесть часов! Эти чертовы шесть часов!»

На следующее утро «Наблюдатель» вышел с новой статьей, подробно освещавшей ход расследования по делу Марбери. На четвертой полосе во всю страницу жирными черными буквами было напечатано:

«Кто видел Джона Марбери в день его убийства?»

Глава десятая

Сундучок

Насколько оптимистично был настроен Спарго и действительно ли он верил в то, что добудет информацию таким необычным способом, – тайна, которую он предпочел оставить при себе. Разумеется, тысячи людей могли видеть Марбери в тот день, но кто из этих многочисленных свидетелей запомнил его? У четы Уолтерс имелись для этого веские причины, у Крайдера тоже, и у Майерста, и у Уильяма Уэбстера. Но зачем это было делать остальным? Получалось так, что между четвертью четвертого, когда покойный вышел из «Лондонской и международной компании», и четвертью десятого, когда он сел рядом с Уэбстером в холле палаты общин, мистера Марбери не заметила ни одна живая душа, – если не считать мистера Фиски, шляпника, который смутно запомнил человека, купившего у него кепи модного фасона. По крайней мере, к полудню в редакции не появилось никого, кто сохранил бы о нем хоть какое-то воспоминание. Было очевидно, что после Майерста Марбери направился на запад (его визит к Фиски), а затем повернул на юго-запад (его появление в Вестминстере). Но где еще он побывал за это время? Что делал? С кем общался? На данные вопросы у Спарго не было ответов.

– Это доказывает, – заметил мистер Роналд Бретон, расположившись в кабинете Спарго в тот сонливый час на исходе делового дня, когда даже самые занятые люди чувствуют желание расслабиться, – что в наши дни человек может целый день ходить по Лондону и чувствовать себя как муравей, попавший в соседний муравейник. Никто не обратит на него внимания.

– Вам бы не мешало получше изучить энтомологию, Бретон, – усмехнулся Спарго. – Я тоже в ней не очень разбираюсь, но хорошо знаю, что любой муравей, оказавшийся в чужой колонии, проживет там всего лишь нескольких секунд.

– Ну, вы поняли, что я имел в виду. Лондон – муравейник, разве нет? Одним человеком больше, одним меньше, значения не имеет. За шесть часов Марбери мог обойти полгорода. Он наверняка ездил на автобусе. Брал такси – что еще более вероятно, поскольку это для него в новинку. Марбери пил чай – а может, и кое-что покрепче – и заходил в соответствующие заведения. Покупал вещи в магазинах: приезжие из колоний всегда так делают. Он должен был где-то перекусить. Впрочем, какой смысл перечислять?

– Никакого, – согласился Спарго.

– Я веду к тому, – продолжил Бретон, – что его видели множество людей, но прошло уже несколько часов после выхода вашей новой статьи, а в редакции никто не появился. Хотя чему удивляться? Кто запомнит самого обычного человека в сером твидовом костюме?

– «Обычный человек в сером твидовом костюме», – повторил Спарго. – Отличная фраза. Надеюсь, вы ее не запатентовали? Я использую ее в качестве подзаголовка.

Бретон рассмеялся:

– Вы забавный, Спарго! Ну а если серьезно – вы действительно считаете, что продвинулись вперед?

– Я продвигаюсь вперед с каждым новым шагом, – ответил журналист. – В конце концов, когда занимаешься подобными делами, всегда получаешь пользу.

– А по-моему, в данном деле нет никакой тайны. Мистер Эйлмор объяснил, откуда у него оказался мой адрес, а Крайдер, филателист, сообщил, как...

Спарго вдруг поднял голову.

– Что? – резко спросил он.

– Я говорю о причинах, по которым Марбери оказался там, где его нашли, – объяснил Бретон. – Марбери гулял по Флит-стрит и, несмотря на то что время было позднее, заглянул на Миддл-Темпл – просто посмотреть, где живет старина Кардлтон. Но тут на него напали и убили. Все ясно! Осталось найти того, кто это совершил.

– Вот именно, – усмехнулся Спарго. – Осталось только найти. – Он полистал лежавший перед ним блокнот. – Кстати, завтра состоится второе заседание суда. Вы пойдете?

– Разумеется. Более того, я хочу пригласить мисс Эйлмор и ее сестру. Все мрачные подробности дела уже озвучены, и завтра будет заслушано только одно новое свидетельство. А поскольку они никогда не были в коронерском суде...

– Завтра мистер Эйлмор станет ключевым свидетелем, – перебил Спарго. – Уверен, он сообщит суду гораздо больше, чем сказал мне.

Бретон пожал плечами:

– Не представляю, что еще он может рассказать. Впрочем, – добавил он с лукавой усмешкой, – вам ведь нужен хороший материал для очередной статьи, не так ли?

Спарго взглянул на часы, встал и взял шляпу.

– Я скажу вам, что мне нужно, – произнес он. – Мне необходимо узнать, кто такой Джон Марбери. Вот это будет хороший материал. Кем он был – двадцать, двадцать пять, сорок лет назад? Вот что меня интересует.

– И вы надеетесь, что мистер Эйлмор вам это скажет?

– Мистер Эйлмор, – ответил Спарго, когда они вместе с адвокатом направились к выходу, – единственный человек, который знал Джона Марбери в прошлом. Но он не слишком распространялся на эту тему, по крайней мере, со мной. Надеюсь, коронеру и его жюри он объяснит. А теперь позвольте откланяться, Бретон: я спешу на встречу.

Расставшись с адвокатом, Спарго ускорил шаг, поймал такси и помчался в «Лондонскую депозитную компанию». На углу улицы он увидел ждавшего его Расбери.

– Ну что? – спросил Спарго, выскочив из машины. – Как дела?

– Все в порядке, – улыбнулся Расбери. – Я получил разрешение – вы можете присутствовать. А поскольку близких и родственников нет, будем только вы, я, еще пара официальных лиц и представители компании. Идемте, нам пора.

– Похоже на эксгумацию, – пробормотал Спарго.

Детектив рассмеялся:

– Что ж, надеюсь, мы раскопаем его секреты. Уверен, в этом сундучке нас ждет важная улика.

Они вошли в здание, и их немедленно проводили в комнату, где уже собрались упомянутые Расбери официальные лица, мистер Майерст и еще один джентльмен, оказавшийся директором компании. Директор любезно объяснил, что у фирмы есть дубликаты ключей от всех сейфов, а поскольку необходимые разрешения от властей получены, они могут пройти к сейфу, арендованному мистером Джоном Марбери, и изъять предмет, который тот туда поместил – небольшой сундучок из кожи, – после чего его принесут сюда и откроют в присутствии всех собравшихся.

После долгих манипуляций с ключами и замками они наконец добрались до сейфа, арендованного покойным мистером Марбери. В первый момент он показался Спарго таким маленьким, что он счел смехотворной мысль, будто в нем может скрываться нечто важное и ценное. На вид это был самый обычный деревянный шкафчик, один из многих, скромно стоявших вдоль стенки в сейфовом хранилище. Спарго сразу вспомнил свои школьные годы и тот допотопный шкаф, где он хранил тетради и учебники, а заодно корзиночки с вареньем, сосиски в тесте и миндальные пирожные, купленные в местном буфете. Надпись «Мистер Марбери» на сейфе была такой свежей, что краска не успела высохнуть. Но когда деревянную дверцу открыли – медленно и торжественно, словно это были врата храма, – за ней обнаружилась массивная стальная дверь, и у Спарго снова вспыхнула надежда.

– Дубликат ключа, мистер Майерст! – провозгласил директор. – Дубликат ключа!

Майерст, столь же серьезный, как и его начальник, подал причудливого вида ключ. Директор воздел руки, словно собираясь осенить крестным знаменем боевой линкор, и сталь-

ная дверь бесшумно отворилась. За ней, в маленькой камере примерно два фута глубиной, лежал кожаный сундучок.

Присутствующие медленно двинулись обратно в кабинет секретаря, и все происходящее, как подумал Спарго, стало еще больше напоминать похоронную процессию. Впереди шел директор, за ним высокопоставленный чиновник, представлявший городские власти; дальше шествовали Майерст с сундучком в руках и два должностных лица, следившие за соблюдением закона. Замыкали группу Расбери и Спарго. Журналист наклонился к детективу и что-то зашептал ему на ухо, тот кивнул.

– Будем надеяться, что мы что-нибудь найдем, – ответил он.

В кабинете секретаря их ждал еще один мужчина, который при виде появившейся процессии почтительно поправил волосы. Майерст водрузил сундучок на стол, и мужчина достал связку ключей. Остальные участники молча собрались вокруг.

– Поскольку у нас, разумеется, нет ключей от этого сундучка, – важно объявил директор, – нам понадобится помощь профессионала. Джобсон!

Директор махнул рукой, и мужчина с ключами шагнул вперед, оглядев замок. Вид у него был такой, словно ему не терпелось им заняться. Спарго внимательно рассматривал сундучок. Он был именно таким, как его описывали: маленький квадратный чемоданчик из воловьей кожи, очень крепкой конструкции, но сильно потертый и изношенный, с толстой ручкой на крышке и таким измызганным и затрапезным видом, словно его много лет держали в самых неподходящих местах.

Раздался щелчок и звон пружины, и Джобсон отступил.

– Пожалуйста, сэр, – сказал он.

Директор кивнул высокопоставленному лицу.

– Теперь вы можете открыть его, сэр, – объявил он. – Мы сделали свою работу.

Чиновник положил руку на крышку, и все собравшиеся приблизились, вытянув шеи. Крышка тяжело откинулась; кто-то глубоко вздохнул. Спарго шагнул к столу и заглянул внутрь. Сундучок был пуст! Присутствующие уставились на обшарпанный сундучок, все содержимое которого сводилось к старой пестрой ситцевой подкладке.

– Господи, помилуй! – воскликнул директор. – Но ведь здесь – поверить не могу – ничего нет!

– Вы правы, – сухо подтвердил один из представителей властей.

Директор повернулся к секретарю.

– Вы говорили, что сундучок представляет большую ценность, мистер Майерст, – заметил он с видом человека, задетого в своих лучших чувствах. – Большую ценность!

Тот кашлянул.

– Я могу лишь повторить то, что уже сказал, сэр, – произнес он. – Покойный мистер Марбери сообщил, что хочет оставить в сейфе очень ценный для него предмет. Он буквально не выпускал его из рук, пока не убедился, что тот находится в полной безопасности. Он обращался с ним так, словно там лежало нечто чрезвычайно ценное.

– Но, судя по словам мистера Крайдера, приведенным в «Наблюдателе», в сундучке было полно всяких бумаг и других предметов, – напомнил директор. – Крайдер видел их за полчаса до того, как наш клиент появился здесь.

Майерст развел руками.

– Но зачем хранить в сейфе пустой чемодан? – начал директор. – Я не...

В разговор вмешался высокопоставленный чиновник.

– Сундучок, несомненно, пуст, – заявил он. – Вы когда-нибудь брали его в руки, мистер Майерст?

Секретарь снисходительно улыбнулся:

– Как я уже сказал, сэр, с той минуты, как покойный появился в этой комнате, и до того момента, как он запер сейф, сундучок ни разу не покидал его рук.

Снова воцарилось молчание. Наконец чиновник повернулся к директору.

– Превосходно, – пробормотал он. – Мы сделаем запрос. Расбери, возьмите сундучок с собой и запирайте его в Скотленд-Ярде.

Через минуту Спарго с Расбери вышли на улицу. Теперь у журналиста был первоклассный – и весьма интригующий – материал для очередной статьи, которая уже успела стать визитной карточкой его газеты.

Глава одиннадцатая

Мистеру Эйлмору задают вопросы

На следующее утро, сидя на втором заседании суда по делу Марбери – теперь его называли не иначе как «громкое дело об убийстве в Миддл-Темпл», – Спарго не мог отделаться от чувства, что слышал все это уже тысячу раз. Не было названо ни одной детали, которую он не знал бы. Если первое заседание в присутствии коронера служило скорее простой формальностью, то второе проводилось неторопливо и дотошно: судебные власти добросовестно старались выяснить, как и почему умер человек по имени Джон Марбери. Впрочем, даже досконально зная все обстоятельства дела, Спарго с профессиональным интересом следил за тем, как свидетели по деталям собирали свои показания и факты, а те складывались в общую картину. Фрагменты событий легко и естественно превращались в связный рассказ, который можно было разбить на несколько частей. И Спарго, явившийся в суд только для того, чтобы сидеть и слушать, начал раскладывать все по полочкам.

1. Швейцар из Темпла и констебль Дрисколл рассказали о том, как нашли тело.
2. Полицейский врач сообщил, что причиной смерти явился сильный удар сзади, нанесенный каким-то тяжелым предметом. Смерть наступила мгновенно.
3. Полиция и служители морга дали показания, что при осмотре тела в одежде убитого не было найдено никаких вещей, кроме маленького клочка бумаги.
4. Расбери объяснил, как с помощью нового кепи, купленного убитым в модном магазине «Фиски» в Уэст-Энде, вышел на Марбери и отель «Англо-Ориент» в районе Ватерлоо.
5. Мистер и миссис Уолтерс рассказали о пребывании Марбери в отеле «Англо-Ориент».
6. Старший стюард на судне «Уэмбарино» сообщил, что Марбери действительно плыл из Мельбурна в Саутгемптон, вел себя, как все остальные пассажиры, и в день прибытия благополучно сошел на берег, не будучи замечен ни в чем предосудительном или необычном.
7. Мистер Крайдер описал свою встречу с Марбери и разговор о марках.
8. Мистер Майерст дал показания о визите Марбери в депозитную компанию и о том, что сундучок их клиента, после официального вскрытия ячейки, оказался пуст.
9. Уильям Уэбстер снова поведал историю о беседе с Марбери в холле палаты общин и о том, как тот случайно встретился с еще одним джентльменом, которого он, Уэбстер, опознал как депутата парламента мистера Эйлмора.

Все это логично привело к появлению на свидетельской трибуне самого мистера Эйлмора. Именно его выступления, как сразу понял Спарго, ждала сидевшая в зале публика. Благодаря живому и детальному отчету в «Наблюдателе» зрители хорошо знали обо всех фактах и подробностях, изложенных предыдущими девятью свидетелями. Знали они и о том, что мистер Эйлмор разрешил опубликовать свой разговор со Спарго на встрече, устроенной Роналдом Бретоном. Тогда почему их взбудоражило появление в суде представителя палаты общин? Было ясно, что все – от судьи до последнего зрителя, с трудом втиснувшегося в переполненный зал, – жаждали услышать показания человека, который встретился с Марбери в вестибюле парламента, отправился с ним в отель, пропустил стаканчик вина, дал несколько дружеских советов и вышел вместе с ним на прогулку. И Спарго прекрасно понимал и разделял их нетерпение. Только Эйлмор, единственный из всех, мог рассказать суду что-то реальное о самом Марбери: кем он был, чем занимался и что делал в Лондоне.

Когда мистер Эйлмор вышел на трибуну – это был высокий, привлекательный, прекрасно одетый мужчина с благородной бородкой, слегка тронутой сединой, по-солдатски прямой и державшийся уверенно и властно, – Спарго быстро оглядел судебный зал. Две дочери Эйлмора сидели неподалеку рядом с Роналдом Бретоном: встретившись с ним взглядом, они дружески

кигнули и улыгнулись. Спарго посматривал в их сторону: он не сомневался, что для них происходящее – развлечение. С таким же успехом они могли расположиться где-нибудь на восточном базаре, слушая басни профессионального рассказчика. Теперь, когда их отец оказался на свидетельской трибуне, щеки девушек порозовели, а глаза заблестели ярче.

«Единственное, что их волнует, – подумал Спарго, – то, что отец оказался связан со всей этой загадочной историей. Вот только как связан?» Потом он повернулся к свидетельской трибуне и с этой минуты больше не сводил с нее глаз. Постепенно у него начали появляться кое-какие идеи насчет того, как можно «разработать» данного свидетеля.

Те, кто ожидал от показаний мистера Эйлмора каких-то сенсаций, были разочарованы. Когда его привели к присяге и задали несколько вопросов, Эйлмор попросил разрешения изложить своими словами то, что ему известно о покойном и об этом печальном деле. Получив согласие, повторил суду ту же историю, которую рассказал Спарго. Звучала она буднично и просто. Он знал Марбери много лет назад. Затем потерял его из виду – да, на двадцать лет. Вечером перед убийством они неожиданно встретились в палате общин. Марбери попросил у него совета. Не имея срочных дел и желая оказать услугу старому знакомому, Эйлмор согласился отправиться вместе с ним в «Англо-Ориент», где какое-то время провел в его номере, изучая австралийские алмазы, после чего оба покинули отель. Он дал Марбери совет, который тот просил; потом они прошли через мост Ватерлоо и вскоре расстались. Это все, что ему известно.

Ни судья, ни присяжные, ни Спарго, ни собравшаяся публика – никто не услышал ничего нового. Все это уже было напечатано в «Наблюдателе». Эйлмор просто повторил свой рассказ и, судя по всему, считал, что на этом его миссия закончена. Ответив на пару формальных вопросов присяжных и судьи, он развернулся и сделал такое движение, словно собирался сойти с трибуны и покинуть суд. Но Спарго уже в самом начале заседания заметил в зале одного известного адвоката, представлявшего интересы казначейства. Журналист поглядывал в его сторону и не удивился, когда тот спокойно встал, вставил монокль в правый глаз и в свойственной ему небрежной и рассеянной манере повернулся к свидетелю. «Представление начинается», – подумал Спарго. Адвокат уважительно поклонился судье, после чего выпрямился и взглянул на Эйлмора. Вид у него был такой приветливый и безмятежный, будто он собирался побеседовать о погоде или осведомиться, как чувствует себя жена какого-нибудь мистера Смита. Но Спарго хорошо знал его приемы и умел читать его настоящие намерения по взглядам, голосу и жестам.

– Если вы не возражаете, я хотел бы задать вам несколько вопросов насчет вашего знакомства с покойным, мистер Эйлмор, – произнес адвокат обходительным и мягким тоном. – Вы ведь давно с ним знакомы, не так ли?

– Очень давно, – ответил Эйлмор.

– Сколько приблизительно?

– Лет двадцать.

– И за все это время вы ни разу с ним не виделись – до того момента, как столкнулись в палате общин?

– Нет.

– И ничего о нем не слышали?

– Нет.

– И никогда с ним не общались?

– Нет.

– Но когда вы встретились, то сразу узнали друг друга?

– Да... почти сразу.

– Почти сразу. Что ж, наверное, вы очень хорошо знали друг друга двадцать лет назад?

– Пожалуй.

- Являлись близкими друзьями?
- Скорее приятелями.
- Скажите, как его звали в то время, когда вы были с ним приятелями?
- Марбери.
- Марбери – то есть так же, как сейчас. Где вы с ним познакомились?
- Здесь, в Лондоне.
- Что он делал?
- Вы хотите сказать, чем он занимался?
- Да, чем он занимался?
- Его интересовали финансовые вопросы.
- Финансовые вопросы. И вы с ним работали?
- Иногда.
- Какой был адрес у его конторы в Лондоне?
- Не помню.
- А личный адрес?
- Я его никогда не знал.
- Тогда как вы решали свои деловые вопросы?
- Мы с ним встречались иногда.
- Где именно? В клубе, на улице, в отеле?
- Не помню конкретные места. Иногда в Сити.
- Где в Сити? У лорд-мэра, на Ломбард-стрит, в соборе Святого Павла, в уголовном суде?
- Я припоминаю, что мы виделись у фондовой биржи.
- Вот как! Так он являлся ее сотрудником?
- Нет, насколько мне известно.
- А вы?
- Ни в коем случае.
- В чем состоял ваш совместный бизнес?
- Мы заключали финансовые сделки на незначительные суммы.
- Как долго продолжалось ваше знакомство: хотя бы приблизительный период?
- От шести до девяти месяцев.
- Значит, это было мимолетное знакомство?
- Пожалуй, да.
- И все-таки, встретившись с ним через двадцать лет, вы проявили к нему – мимолетному знакомому – немалый интерес?
- Я хотел оказать ему небольшую услугу. Меня заинтересовало то, что он мне рассказывал в тот вечер.
- Понимаю. Надеюсь, вы не станете возражать, если я задам вам пару личных вопросов? Вы человек публичный, а факты из жизни таких людей тоже в определенном смысле принадлежат публике. Итак, вы стали депутатом парламента в 1902 году, прибыв сюда из Аргентины, где заработали большое состояние. Однако, как вы только что сказали, вы знали Марбери в Лондоне примерно в 1890–1892 годах. Значит, потом вы покинули Англию?
- Да. Я уехал в 1891-м или в 1892-м, точно не помню.
- Очень жаль, потому что точность нам бы не помешала, мистер Эйлмор. Мы хотим выяснить очень важный вопрос: кто такой Джон Марбери и почему его убили? Вы единственный человек, который о нем что-либо знает. Чем вы занимались до своего отъезда?
- Финансовыми операциями.
- Как и Марбери. Где вы вели свой бизнес?
- В Лондоне, разумеется.
- По какому адресу?

На лице мистера Эйлмора появилось недовольство. Брови сдвинулись, кончики усов подергивались. Наконец он распрямил плечи и с вызовом взглянул на адвоката.

– Я решительно возражаю против вопросов, затрагивающих мои частные дела! – воскликнул он.

– И все-таки я должен их задать. Повторяю свой вопрос.

– Я отказываюсь на него отвечать!

– Тогда перейдем к следующему. Где вы жили в то время, когда имели бизнес в Лондоне и были знакомы с Джоном Марбери?

– И на этот вопрос я отказываюсь отвечать.

Советник казначейства сел на место и вопросительно посмотрел на судью.

Глава двенадцатая

Новый свидетель

Молчание нарушил ровный и сдержанный голос судьи, обратившегося к свидетелю:

– Мистер Эйлмор, никто не собирается беспокоить вас лишними вопросами. Но мы собрались здесь, чтобы установить истинные причины смерти Джона Марбери, и поскольку вы единственный свидетель, который был знаком с ним лично...

Эйлмор нетерпеливо повернулся к судье.

– Я с глубоким уважением отношусь к суду, сэр! – заявил он. – И уже рассказал все, что мне известно о Марбери и о событиях того вечера, когда мы встретились. Но возражаю против любых вопросов, касающихся моих личных дел двадцатилетней давности! Я готов говорить обо всем, что прямо относится к разбираемому делу, но не стану отвечать на вопросы, которые считаю не связанными с предметом данного расследования.

Советник казначейства снова встал. Его манеры стали еще более вкрадчивыми и мягкими, и Спарго наострил уши.

– Я попытаюсь задать мистеру Эйлмору пару вопросов, они, возможно, не покажутся ему настолько возмутительными. – Адвокат повернулся к свидетелю, словно бы с интересом разглядывая его в монокль. – Вы можете назвать кого-нибудь из живущих ныне людей, кто был знаком с Марбери в описываемое вами время – примерно двадцать, двадцать два года назад?

Тот раздраженно покачал головой.

– Нет, не могу, – ответил он.

– Но если вы вели с ним дела, у вас наверняка имелись какие-то общие знакомые?

– В то время – вероятно. Но когда я вернулся в Лондон, мои занятия и вся моя жизнь полностью изменились. Я не знаю никого, кто в те годы был знаком с Марбери. Ни единого человека.

Адвокат повернулся к сидевшему позади секретарю и шепнул ему что-то. Тот указал в сторону боковой двери. Советник вновь обратился к свидетелю:

– Еще вопрос. Вы говорили суду о том, в какое время расстались с покойным у моста Ватерлоо. Это было без четверти двенадцать?

– Приблизительно.

– И именно там, где вы сказали?

– Да.

– Больше у меня нет к вам вопросов, мистер Эйлмор. Пока. – Советник обратился к судье: – Я прошу вас вызвать свидетеля, который сегодня утром явился в полицию и сообщил важную информацию. Полагаю, сейчас самое время представить их суду. С вашего позволения, сэр, мы вызываем мистера Дэвида Лайелла...

Спарго повернулся к двери, к которой уже направился адвокатский секретарь. Через минуту он вернулся в зал с бойким, подвижным и уверенно державшимся молодым человеком, похожим на шотландца. Как только объявили имя Дэвида Лайелла, тот проворно поднялся на свидетельскую трибуну, только что покинутую депутатом, принял присягу на шотландский манер и с готовностью повернулся к адвокату. Спарго оглядел зал и увидел, что публика застыла в ожидании: всем не терпелось услышать, что скажет новый свидетель по поводу показаний Эйлмора.

– Вас зовут Дэвид Лайелл?

– Да, сэр.

– Вы живете по адресу 23, Камбре-сайд, Килмарнок, Шотландия?

– Совершенно верно.

– Чем вы занимаетесь, мистер Лайелл?

– Работаю коммивояжером, сэр, в компании «Стивенсон, Робертсон и Саутар, винокуры из Килмарнока».

– В ваши обязанности входят регулярные поездки в Париж?

– Да, я бываю в Париже каждые шесть недель.

– Вечером двадцать первого июня вы собирались отправиться в Париж из Лондона?

– Да.

– Насколько мне известно, вы остановились в отеле «Кайзер» на набережной Темзы со стороны Блэк-фрайарз?

– Именно так – из него удобно добираться до поездов на континент.

– И в тот вечер, в половине двенадцатого или чуть позже, вы вышли прогуляться на набережную в сторону Темпл-Гарденс?

– Верно, сэр. Мне часто не спится, поэтому я люблю пройтись немного перед сном.

– Как далеко вы зашли?

– До моста Ватерлоо.

– И все время шли вдоль Темпла?

– Да, сэр, по эту сторону реки.

– Подходя к мосту Ватерлоо, вы встретили кого-нибудь из знакомых вам людей?

– Да. Мистера Эйлмора, депутата парламента.

Спарго покосился на двух сестер. Старшая отвернулась в сторону, младшая смотрела на свидетеля. Бретон нервно барабанил пальцами по своей шляпе.

– Мистера Эйлмора, депутата парламента, – повторил советник. – Но как вы узнали мистера Эйлмора?

– Сейчас объясню, сэр. Дело в том, что у себя дома я являюсь секретарем клуба избирателей от либеральной партии. В прошлом году мы устроили демонстрацию и решили пригласить кого-нибудь из известных политиков. Я связался с мистером Эйлмором, и он посетил наш клуб. Я не раз встречался с ним в Лондоне и у себя в Шотландии.

– Значит, вы с ним хорошо знакомы?

– Да, сэр.

– Вы сейчас видите его в этом зале, мистер Лайелл?

Свидетель улыбнулся и вполоборота обернулся к залу:

– Разумеется, сэр. Вот мистер Эйлмор!

– Что ж, спасибо. Продолжим. Вы встретили мистера Эйлмора у самого моста Ватерлоо?

Насколько близко?

– Если быть точным, мистер Эйлмор спускался с моста на набережную.

– Один?

– Нет.

– С кем он был?

– С женщиной, сэр.

– Вы его узнали?

– Нет. Но я хорошо рассмотрел его и запомнил лицо.

– Отлично. Мистер Лайелл, в последующие несколько дней что-нибудь напомнило вам об этом человеке?

– Да, сэр!

– Что именно?

– Фотография мужчины, которого нашли убитым: Джона Марбери.

– Уверены?

– Абсолютно уверен, сэр.

– Итак, вы утверждаете, что мистер Эйлмор, когда вы встретили его, находился в компании человека, которого звали Джон Марбери?

- Именно так, сэр.
- Что вы сделали после того, как встретили мистера Эйлмора и его спутника?
- Я развернулся и двинулся вслед за ними.
- Вслед за ними? То есть повернули на восток?
- Да, в ту сторону, откуда пришел.
- Значит, вы направились вслед за ними на восток?
- Да, чтобы вернуться в отель.
- Что они делали в это время?
- Вели оживленную беседу, сэр.
- Как долго вы следовали за ними?
- До пересечения набережной с Миддл-Темпл.
- Что произошло дальше?
- Они свернули на эту улицу, сэр, а я отправился в отель и лег спать.

В зале воцарилось молчание, которое стало еще напряженнее, когда адвокат хладнокровно задал следующий вопрос:

– Вы клянетесь под присягой, что видели, как в тот вечер мистер Эйлмор вошел в Миддл-Темпл со стороны набережной Темзы?

- Да, сэр!
- Вы можете сказать, в какое время это произошло?
- Да, с точностью до минуты. На часах было без пяти двенадцать.

Советник кивнул судье, и тот, пошептавшись о чем-то со старостой жюри, обратился к свидетелю:

- Вы только сегодня сообщили данную информацию полиции?
- Да, сэр. Я находился в Париже и Амьене и вернулся в Англию утром. Прочитав новости в газетах и увидев фото жертвы, решил обратиться в полицию и сразу по прибытии в Лондон отправился в Скотленд-Ярд.

Других вопросов к свидетелю не последовало, и он сошел с трибуны. Неожиданно мистер Эйлмор выступил вперед, стараясь привлечь внимание судьи.

– Могу я дать некоторые объяснения, сэр? – спросил он. – Мне...

Но представитель казначейства вскочил с места.

– Обращаю ваше внимание, сэр, что у мистера Эйлмора уже была возможность высказаться, однако он не только не стал давать никаких объяснений, но и отказался отвечать на мои вопросы, – напомнил он. – Прежде чем вы дадите ему слово, я прошу разрешения вызвать еще одного свидетеля. Этот человек...

Мистер Эйлмор возмущенно кинулся к судье.

– После того, что здесь было сказано, я имею право быть выслушанным немедленно! – заявил он резким тоном. – Меня выставили в таком свете, сэр, будто я пытался обмануть суд, но если мне дадут возможность высказаться...

– Решительно настаиваю на том, что мой свидетель должен быть вызван прежде, чем мистер Эйлмор даст свои объяснения, – вмешался советник. – Вы поймете, что для этого имеются веские причины.

– Мистер Эйлмор, мы выслушаем ваши объяснения, но немного позже, – объявил судья и повернулся к адвокату: – Кто ваш свидетель?

Эйлмор отступил назад. Спарго заметил, что младшая из сестер с напряженным вниманием смотрит на отца. В ее лице не было сомнения или недоверия, только тревога. Потом она повернула голову и взглянула на нового свидетеля. Это был привратник, стороживший вход в Миддл-Темпл со стороны Темзы. Советник немедленно задал ему прямой вопрос.

– Взгляните на этого джентльмена, – произнес он, указав на Эйлмора. – Вы узнаете в нем одного из жителей Темпла?

Свидетель растерянно уставился на Эйлмора.

– Да, сэр, – ответил он. – Конечно, узнаю.

– Как его зовут?

Привратник смутился.

– Как зовут, сэр? Мистер Андерсон! – воскликнул он. – Мистер Андерсон, как же еще!

Глава тринадцатая

Подозреваемый

После его слов по залу пронесся вздох. В нем звучали самые разные оттенки: кого-то этот неожиданный поворот застал врасплох, другие почуяли в нем давно предвкушаемый скандал, а третьи просто замерли в ожидании, что будет дальше. Спарго внимательно оглядел публику и заметил, что дочери Эйлмора по-разному отреагировали на случившееся. Старшая опустила голову и спрятала лицо в ладони. Младшая выпрямила спину и в замешательстве уставилась на отца. И Эйлмор, поймав ее взгляд, впервые отвел глаза в сторону.

Заседание между тем шло своим чередом. Советник казначейства продолжал гнуть свою линию. Он действовал безжалостно и методично, решив непременно добиться правды. Переглянувшись с судьей, он шепнул что-то сидевшему рядом юристу и снова повернулся к свидетелю:

– Итак, вы абсолютно уверены, что узнаете в этом джентльмене мистера Андерсона, проживающего в Темпле?

– Да, сэр.

– И вы не слышали, чтобы когда-нибудь его называли другим именем?

– Нет, сэр.

– Как давно вы с ним знакомы?

– Примерно два или три года.

– И все это время он постоянно проходил через ваши ворота?

– Нет, сэр, не постоянно.

– Тогда как часто?

– Иногда, сэр. Может, раз в неделю.

– Расскажите подробнее.

– Иногда я вижу его две ночи подряд, а потом он пропадает на неделю или две. Нерегулярно, сэр.

– Вы сказали «две ночи»? То есть видели мистера Андерсона только по ночам?

– Да, сэр. Я всегда видел его ночью. Примерно в одно и то же время.

– В какое именно?

– Около полуночи, сэр.

– Вы помните ночь с 21 на 22 июня?

– Да, сэр.

– Вы видели той ночью мистера Андерсона?

– Да, сэр, в начале первого.

– Он был один?

– Нет, с ним находился другой джентльмен.

– Можете описать джентльмена?

– Нет, сэр. Я помню только, что они шли вместе и на другом джентльмене был серый костюм.

– Серый костюм? Хорошо. Вы видели лицо?

– Нет, сэр, не запомнил. Я помню только то, о чем сказал.

– То есть о том, что на другом джентльмене был серый костюм? Прекрасно. Куда направились мистер Андерсон и джентльмен в сером костюме?

– Шли по улице, сэр.

– Вам известно, где именно в Темпле находится квартира мистера Андерсона?

– Где-то в Фонтанном дворике.

– В ту ночь мистер Андерсон снова вышел из Миддл-Темпл с вашей стороны?

– Нет, сэ.

– Вы слышали о том, что на этой улице в ту же ночь нашли мертвое тело?

– Да, сэ.

– Вы связали новость с тем джентльменом в сером костюме?

– Нет, сэ. Мне это и в голову не пришло. Многие джентльмены из Темпла приводят по ночам своих друзей. Я не обращаю на них внимания.

– Вы никому не рассказывали об этом, пока вас не вызвали в суд?

– Никому.

– Вы никогда не слышали, чтобы этого джентльмена называли как-то иначе, чем мистер Андерсон?

– Нет, сэ, я всегда считал его мистером Андерсоном.

Судья взглянул на адвоката.

– Полагаю, сейчас самое время предоставить мистеру Эйлмору возможность высказаться и дать те объяснения, о которых он говорил несколько минут назад, – предложил он. – Вы согласны?

– Я думаю, мистер Эйлмор снова должен быть вызван в качестве свидетеля и дать показания под присягой, – произнес адвокат. – Однако решать вам.

Судья повернулся к Эйлмору:

– Вы не возражаете?

Тот решительно поднялся на трибуну.

– Я возражаю только против одного, – заявил он, – что меня спрашивают о каких-то давних делах, которые не имеют и не могут иметь никакого отношения к предмету данного расследования. Вы можете задать любые вопросы, связанные с показаниями последних двух свидетелей, и я отвечу на них, если сочту нужным. Вы можете спросить меня о делах двадцатилетней давности, и я отвечу или не отвечу, в зависимости от того, каким будет мое решение. Хочу также заверить, что несу полную ответственность как за свои слова, так и за свое молчание.

– Прекрасно, мистер Эйлмор, – проговорил адвокат. – Я задам вам несколько вопросов. Вы слышали показания мистера Лайелла?

– Да.

– Признаете их правдивость?

– Полностью.

– Вы слышали и показания последнего свидетеля. По-вашему, они тоже правдивы?

– Да, вполне.

– Значит, вы признаете, что ваши собственные показания, данные вами и в суде и под присягой, были лживы?

– Нет, конечно! Ни в коем случае! Я сказал правду.

– Правду? Но вы утверждали, будто расстались с Джоном Марбери у моста Ватерлоо!

– Простите, я не говорил ничего подобного. Я сказал, что, выйдя из отеля «Англо-Ориент», мы прошли через мост Ватерлоо и вскоре расстались. Я не сказал, где именно. Вот сидит стенографист, который записывал все мои слова, – спросите его, что я говорил?

Стенографист подтвердил слова Эйлмора, и советник раздраженно поморщился.

– Вы сформулировали свой ответ таким образом, что девять из десяти человек поняли его так же, как и я: вы расстались с Марбери на улице сразу за мостом Ватерлоо, – заявил он. – Спрашивается, зачем...

Эйлмор улыбнулся:

– Я не отвечаю за то, как понимают мои слова девять человек из десяти, и за то, как понимаете их вы. Могу повторить: мы с Марбери прошли через мост Ватерлоо и вскоре расстались. Я сказал правду.

– Прекрасно! Тогда продолжайте говорить ее и дальше. Раз уж вы признали правдивость показаний предыдущих двух свидетелей, может, объясните нам наконец, где именно вы расстались с Марбери?

– С удовольствием. Мы расстались у дверей моей квартиры в Фонтанном дворике.

– Давайте расставим все точки над «i». Значит, вы привели Марбери в Темпл прошлой ночью?

– Да, я привел Марбери в Темпл прошлой ночью.

В зале снова раздался шум. Наконец-то все услышали что-то определенное: несомненный и реальный факт. Спарго подумал, что дело, похоже, принимает оборот, которого он не ожидал.

– Это очень серьезное признание, мистер Эйлмор. Вы понимаете, что, делая его, подвергаете себя опасности?

– Я сам решаю, что мне делать, а что нет. Вы слышали мои слова.

– Допустим. Тогда почему вы не произнесли их раньше?

– У меня были причины. Я сказал ровно столько, сколько было нужно для целей расследования. И сейчас остаюсь при том же мнении. После выступления мистера Лайелла я попытался сделать заявление и объяснить ситуацию, но мне не позволили. Я хочу сделать это сейчас.

– Мы внимательно вас слушаем.

– Все очень просто, – продолжил Эйлмор, повернувшись к судье. – В последние три года я снимаю квартиру в Темпле, куда иногда навещаюсь по ночам. По причинам, о которых здесь не место говорить, я счел более удобным арендовать ее под именем мистера Андерсона. До дверей квартиры Марбери и проводил меня в ту ночь. Затем он вошел внутрь, но не более чем на пять минут. Мы расстались с ним на пороге моего жилища, и я убежден, что после этого он тем же путем покинул Темпл и отправился к себе в отель. Вероятно, вы скажете, что я должен был объяснить все с самого начала. Но я не сделал этого по своим причинам. Я рассказал то, что считал необходимым: мы расстались с Марбери вскоре после полуночи, и в тот момент он находился в добром здравии.

– Что помешало сообщить вам это с самого начала? – спросил советник.

– Причины личного характера.

– Вы расскажете о них суду?

– Нет!

– В таком случае, может, вы поясните, зачем Марбери заходил в квартиру, которую вы снимали в Фонтанном дворике под именем мистера Андерсона?

– Чтобы взять документ, который я хранил для него последние двадцать лет.

– Важный документ?

– Да.

– Значит, он мог находиться у него, когда его, как мы считаем, убили и ограбили в Миддл-Темпл?

– Он был при нем, когда мы расстались.

– Что это был за документ?

– Я отказываюсь отвечать на ваш вопрос.

– То есть вы скажете нам лишь то, что сочтете нужным?

– Я уже сообщил вам все.

– Верно ли, что вы знаете о Джоне Марбери гораздо больше, чем рассказали суду?

– Я не стану отвечать.

– Верно ли, что при желании вы могли бы рассказать суду намного больше о вашем знакомстве с Джоном Марбери двадцать лет назад?

– И на этот вопрос я не стану отвечать.

Советник казначейства пожал плечами и повернулся к судье.

– Полагаю, сэр, нам следует отложить слушание дела, – предложил он.

– Отложено на неделю, – постановил судья, обратившись к присяжным.

Вся собравшаяся в зале публика: репортеры, зрители, свидетели, судебные клерки, работники полиции – толпой хлынула к выходу, оживленно беседуя и обмениваясь мнениями. Спарго тоже начал пробираться к дверям, прокручивая в голове новую информацию, как вдруг кто-то взял его за руку. Это была Джесси Эйлмор.

Глава четырнадцатая

Серебряный билет

Спарго увлек девушку в сторону, подальше от бурлящей толпы, и вывел ее на тихую улочку. Задыхаясь, она остановилась рядом.

– В чем дело? – мягко спросил он.

– Мне надо с вами поговорить, – сказала Джесси Эйлмор. – Прямо сейчас.

– Ладно, – кивнул Спарго. – А как же остальные? Ваша сестра? Бретон?

– Я нарочно ушла от них. Они знают. Не волнуйтесь, я могу сама о себе позаботиться.

Журналист двинулся по улице, жестом предложив своей спутнице следовать за ним.

– Что вам нужно, так это чашка чая, – заметил он. – Я знаю неподалеку одно старое укромное местечко, где можно выпить лучший китайский чай в Лондоне. Идемте.

Джесси Эйлмор улыбнулась и послушно пошла за ним. Журналист шел молча, заткнув за карманы жилета большие пальцы и барабаня остальными беззвучный марш, пока они не оказались в теплой и уютной чайной, где улыбчивая официантка, видимо, хорошо знавшая Спарго, подала им чай и две горячие булочки. Затем он повернулся к Джесси.

– Итак, – начал он, – вы хотели поговорить о вашем отце.

– Да, – кивнула она.

– Почему?

Джесси бросила на него испытующий взгляд.

– Роналд Бретон говорит, что вы пишете статьи в «Наблюдателе» о деле Марбери. Это правда?

– Правда, – кивнул Спарго.

– Значит, вы авторитетный человек, – продолжила она. – Вы можете влиять на мнение публики. Мистер Спарго, скажите, что вы собираетесь написать о моем отце и о сегодняшних слушаниях в суде?

Он предложил ей сделать глоток чая, а сам взял горячую булку с маслом и откусил большой кусок.

– Честно говоря, – пробормотал Спарго с полным ртом, – не знаю. Пока. Но скажу вам одно – давайте уж начистоту: что бы я от вас сейчас ни услышал, это никак не повлияет на объективность и беспристрастность моих выводов.

Джесси Эйлмор понравились его прямота и откровенность.

– Но я вовсе не хочу повлиять на вашу беспристрастность, – возразила она. – Я хочу, чтобы вы были твердо уверены в том, что собираетесь сказать.

– Так оно и будет, – пообещал Спарго. – Не сомневайтесь. Как вам чай?

– О, он превосходен! – ответила Джесси, улыбнувшись так, что Спарго не удержался и взглянул на нее еще раз. – Чудесный вкус! Мистер Спарго, что вы думаете о том, что произошло сегодня?

Журналист, не обращая внимания на испачканные маслом пальцы, взъерошил свою безупречную прическу. Он откусил еще немного булки и запил чаем.

– Знаете, я не мастер произносить речи. Пишу я вполне прилично, особенно если есть хорошая история, но говорю очень мало, поскольку умею выражать мысли только с пером в руке. Если честно, я не знаю, что вам сказать. Когда вечером я буду писать статью, мои мысли приобретут правильную форму, и тогда я точно сформулирую свое отношение ко всему этому. А пока могу сказать лишь одно: мне очень жаль, что ваш отец не рассказал мне обо всем, что ему известно, когда мы беседовали с ним накануне, и что он не сделал то же самое в суде.

– Почему?

– Теперь вокруг него создалась атмосфера подозрительности и сомнений. Люди могут подумать... По крайней мере, теперь все поняли, что он знает о Марбери гораздо больше, чем сообщил суду, и...

– Но разве это так? Вы в этом уверены?

– Да. Если бы он откровенно рассказал все с самого начала... но он этого не сделал. А теперь поздно. Неужели вы не понимаете, что ваш отец оказался в очень серьезном положении?

– Неужели? – воскликнула Джесси.

– В опасном! Судите по фактам: ваш отец признался, что в ту ночь Марбери находился в его квартире в Темпле. А на следующий день Марбери нашли убитым и ограбленным в пятидесяти ярдах от его дома!

– По-вашему, кто-то может подумать, будто мой отец убил этого человека ради денег? – В ее голосе прозвучал сарказм. – Мой отец – очень богатый человек, мистер Спарго.

– Вероятно. Но иногда миллионеры убивают людей ради их секретов.

– Вот как?

– Выпейте еще чаю, – посоветовал Спарго, указав на чашку. – Люди начнут думать – говоря это, я сужу отчасти по себе – примерно следующее. Существует какая-то тайна в этой дружбе – или приятельстве, или знакомстве, назовите как хотите, – которая связывала вашего отца с Марбери двадцать лет назад. Что-то там нечисто. И в жизни вашего отца в то время тоже есть какая-то неясность. Иначе он спокойно ответил бы на все вопросы. «Ха-ха, – подумает публика, – теперь все понятно. Марбери знал его тайну и угрожал Эйлмору. Тот заманил его в Темпл и убил, чтобы скрыть свои секреты, а потом инсценировал ограбление для отвода глаз».

– Полагаете, люди так скажут?

– На сто процентов! Они уже так говорят. Я сам это слышал.

Несколько секунд Джесси Эйлмор молча смотрела в свою чашку. Потом подняла голову и тихо спросила:

– Значит, вы об этом напишете в своей статье?

– Нет! – быстро ответил Спарго. – Я намерен воздержаться от суждений. К тому же дело еще рассматривается в суде. Просто напишу о том, что произошло на заседании.

Джесси порывисто протянула руку и положила ладонь на крепкий кулак Спарго:

– Но вы так думаете?

– Господи, конечно, нет! – возразил он. – Ничего подобного! Честное слово. Я считаю, что за смертью Марбери скрыта какая-то тайна, и ваш отец мог бы рассказать о нем гораздо больше. Но я уверен: он не убивал Марбери и ничего не знает об убийстве. А поскольку я сам хочу раскрыть эту загадку, ничто не обрадует меня больше, чем оправдание вашего отца. Хотите еще булочку? Они здесь очень свежие, как и чай.

– Нет, благодарю, – улыбнулась Джесси. – И спасибо за ваши слова. А теперь мне пора идти.

– Жаль! – воскликнул Спарго. – Я просто сказал то, что думаю... Вам действительно надо идти?

Он проводил ее до такси, минуту постоял, глядя вслед удалявшейся машине. Кто-то хлопнул его по плечу. Обернувшись, Спарго увидел Расбери.

– Я все видел, мистер Спарго! – рассмеялся детектив. – Флиртовать с молодыми дамами – неплохой способ отдохнуть после трудного дня в суде! Вы прямо сейчас собираетесь заняться своей писаниной?

– Нет, я намерен заняться ею часов в семь вечера, после того, как плотно поужинаю. А что?

– Предлагаю сходить ко мне и еще раз взглянуть на наш волшебный сундучок. Я отнес его к себе и намерен как следует изучить. Хотите?

– Но там пусто, – заметил Спарго.

– А может, в нем есть второе дно? – возразил Расбери. – Кто знает? Идемте!

Он втолкнул журналиста в проезжавшее мимо такси и последовал за ним, попросив водителя отвезти их в Скотленд-Ярд. Прибыв на место, они уединились в невзрачном кабинете, уже хорошо известном Спарго.

– Что вы думаете о сегодняшних баталиях? – поинтересовался детектив, отпирая шкафчик.

– Полагаю, многие ваши сотрудники наострили ушки, – ответил журналист.

– Верно, – признал Расбери. – Первое, чем я теперь займусь, – это проверю все данные на Эйлмора за последние двадцать лет. Если человек отказывается отвечать, где он жил два десятка лет назад, чем занимался и какие вел дела, значит, в его прошлом следует покопаться. Наши люди уже всю работу над биографией мистера Стивена Эйлмора, эсквайра. Не сомневайтесь! Ладно, Спарго, а вот и сундучок.

Детектив вытащил кожаный сундук из шкафчика и поставил посреди стола. Спарго открыл крышку и заглянул внутрь, сравнивая внешние габариты с внутренним объемом.

– Здесь нет двойного дна, – заявил он. – Только кожаный каркас и старая подкладка из бабушкиного ситца, больше ничего. Никаких зазоров, куда можно что-нибудь спрятать.

Расбери тоже внимательно осмотрел сундук.

– Да, – разочарованно пробормотал он. – А как насчет крышки? Помню, у моего деда на ферме был похожий сундучок, так у него в крышке имелся потайной карман. Может, и тут есть нечто подобное?

Детектив до конца откинул крышку и начал ощупывать ее обивку. Почти сразу он остановился и взволнованно взглянул на Спарго.

– Черт возьми! – воскликнул Расбери. – Не знаю насчет кармана, но под подкладкой что-то есть! Похоже на... вот, пощупайте сами. Здесь и здесь.

Журналист потрогал указанное место.

– Да, верно, – кивнул он. – Похоже на две карточки, побольше и поменьше. Та, что поменьше, более твердая. Надо вспороть подкладку.

– Как раз это я и собираюсь сделать, – произнес Расбери. – Вскроем ее по шву.

Он аккуратно разрезал верхнюю часть подкладки, заглянул в образовавшийся кармашек и извлек из него два предмета, поместив их на стол.

– Детское фото, – определил детектив, взглянув на одну из карточек. – А это что такое?

Рядом со снимком лежал маленький продолговатый предмет, сделанный из тонкой пластинки серебра и похожий на железнодорожный билет. Его лицевая часть, сильно потрепанная, изображала какой-то геральдический символ или герб. На другой стороне, столь же потертой и изношенной, проступал рисунок лошади.

– Забавная вещица, – пробормотал Спарго, взяв ее в руки. – Никогда не видел ничего подобного. Что это может быть?

– Понятия не имею, – ответил Расбери. – Я тоже такого не встречал. Наверное, какой-нибудь старый амулет. Хорошо, а что с фото? Смотрите, адрес и фамилия фотографа оторваны, остались только две буквы – скорее всего, название города. Так, на карточке портрет ребенка и... больше ничего.

Спарго бросил на снимок взгляд, который, будь на его месте кто-нибудь другой, можно было бы назвать небрежным. Потом он снова взял серебряный билет и повертел в руках.

– Расбери, – сказал он, – дайте мне эту штуку, ладно? Мне кажется, я знаю, где можно выяснить, что это такое.

– Хорошо, – кивнул детектив. – Только обращайтесь с ней осторожно и никому не говорите, что нашли ее в сундучке.

– Договорились, – кивнул Спарго. – Обещаю.

Он убрал серебряный билет в карман и вышел из кабинета, размышляя о неожиданной находке. В тот вечер, написав новую статью, Спарго вышел из дома и отправился на Флит-стрит в поисках нужной информации.

Глава пятнадцатая Маркет-Милкастер

Штаб-квартира просвещенных и образованных людей, на чью помощь надеялся Спарго, была надежно спрятана от посторонних глаз и скрывалась в одном из тех причудливых закоулков Флит-стрит. О ее существовании почти никто не знал. По сути дела, это был клуб. В Англии нет ничего проще, чем создать из кучки единомышленников какое-нибудь новое сообщество. Соберите побольше знакомых и друзей, зарегистрируйтесь под любым удобным именем, снимите помещение, соответствующее вашим возможностям и вкусам, и все. Больше по закону ничего не требуется: теперь вы можете встречаться в собственном клубе и делать там все, что заблагорассудится. В конце концов, устроить себе маленький рай – это веселее и приятнее, чем болтаться по окрестным барам.

Частный клуб, куда направлялся Спарго, назывался «Октономеной». Кто придумал эту странную смесь из греческих и латинских слов, осталось неизвестным, но именно она красовалась на маленькой медной дощечке, висевшей перед входом. Добраться до его дверей было очень непросто. Сначала вы сворачивали с Флит-стрит в узкий переулок, настолько тесный, что вас словно зажимало в щели между двумя старыми домами. Потом неожиданно попадали на другую улочку и оказывались в крошечном дворике с высокими стенами и запахом типографской краски, который дополняло мерное урчание печатных прессов. Дальше вы ныряли в темную дверь, проталкиваясь среди кип бумаг, ящиков с песком и бидонов с краской, и, преодолев все эти баррикады, выбирались на пыльную, темную лестницу. После множества поворотов и изгибов коридор выходил на крышу дома и упирался в тяжелый занавес. Откинув его, вы вступали в небольшой мезонин, покрытый росписью: плод творчества одного местного художника, который однажды заявился сюда с кистью и ведром краски и переделал все на свой вкус. Вскоре на стене появлялась уже упомянутая медная дощечка, а под ней – уведомление о том, что данный клуб зарегистрирован законным образом. Тут же висела лаконичная инструкция: членам клуба – входить, остальным – звонить и спрашивать членов клуба, если вы их, конечно, знаете.

Сам Спарго не состоял в клубе, но был знаком со многими из его членов; поэтому он позвонил и попросил открывшего дверь мальчика вызвать мистера Старки. Через некоторое время мистер Старки – молодой джентльмен с бицепсами профессионального борца и огромной копной кудрей – появился и так крепко пожал руку журналисту, что тот стиснул зубы.

– Знай мы, что ты придешь, – заметил мистер Старки, – устроили бы встречу с оркестром.

– Я хочу войти, – сказал Спарго.

– Разумеется! Иначе зачем бы ты явился?

– Тогда отойди в сторону. Слушай, – добавил он, когда они оказались в маленькой прихожей, – старина Крауфут все еще заглядывает к вам по вечерам?

– Ровно в одиннадцать, сразу после того, как настроит свою дневную колонку с прогнозом на завтрашний заезд. Осталось пять минут. Пока что-нибудь выпей. Он тебе нужен?

– Хочу перебраться с ним парой слов, – ответил Спарго.

Он двинулся вслед за Старки в большую комнату, где висело столько дыма и стоял такой шум, что в первый момент он не смог ничего услышать или разглядеть. Но постепенно дым собрался под потолком, и под его навесом Спарго увидел компанию мужчин самых разных возрастов, которые сидели возле маленьких столов, пили и курили, разговаривая при этом так бурно и стремительно, словно поставили целью своей жизни произнести как можно больше слов в минуту. В дальнем углу располагался бар; Старки отвел к нему Спарго.

– Заказывай, приятель, – предложил он. – Рекомендую «Особый крепкий» от «Октономены». Дик, сделай нам два. Решил записаться в клуб, Спарго?

– Я запишусь в это адское заведение после того, как вы поставите здесь вентилятор и снабдите членов клуба картой окрестностей Флит-стрит, – ответил журналист, взяв бокал. – Ну и атмосферка!

– Мы уже думали о вентиляторе. Я поставил вопрос на прошлом заседании правления. Но Темплсон из «Бюллетеня» – ты же знаешь Темплсона? – заявил, что ему нужен не вентилятор, а ведро со льдом: без него, мол, и клуб не клуб, – и у него есть приятель, продавец подержанных товаров, тот предлагал ему отличное ведро из шеффилдского серебра. Вот скажи, старина, если бы ты являлся членом нашего правления, что бы ты выбрал: ведро или вентилятор?

– Ага, вот и Крауфут, – произнес Спарго. – Позови его сюда, Старки, пока его кто-нибудь не перехватил.

В комнату вошел новый посетитель и остановился на пороге, моргая на свет и дым. Это был высокий пожилой мужчина с внешностью и выправкой солдата; длинные обвислые усы шли к его крупному носу и крепкому подбородку, а голубые глаза остро и пронизательно смотрели из-под взъерошенных волос. С непокрытой головой, в плотном норфолкском костюме из коричневого твида, он выглядел одновременно и небрежным, и ухоженным. Но на воротнике фланелевой рубашки красовалась эмблема одного из самых старых и известных крикетных клубов мира, и все прекрасно знали, что в свое время он был влиятельной фигурой в обществе.

– Привет, Крауфут! – крикнул Старки. – Идите сюда, тут один парень очень хочет вас видеть!

– По-твоему, так он нас услышит? – усмехнулся Спарго. – Ладно, я сам к нему подойду. Он пересек комнату и оказался рядом со спортивным журналистом.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал он. – Только в местечке потише, а не в этом шуме.

Крауфут отвел его в самый дальний уголок, где в стене имелась небольшая ниша, и заказал выпивку.

– Тут всегда так в это время дня, – заметил он, зевая. – Но общество приятное. В чем дело, Спарго?

Журналист сделал глоток из бокала.

– Полагаю, вы хорошо разбираетесь в спортивных делах, – начал он, – раз уж о них пишете.

– Разумеется, – кивнул Крауфут.

– И в истории спорта тоже?

– Да, в истории тоже. – В его глазах вспыхнул огонек. – Хотя теперь она мало кого интересует.

– Наверное, но сейчас меня очень интересует кое-что, – продолжил Спарго. – Это связано с историей спорта. Поэтому я пришел к вам – ведь вы единственный, кто может дать мне о ней какую-то информацию.

– И что же это?

Спарго вытащил конверт и достал из него тщательно завернутый серебряный билет. Он развернул его и положил на протянутую ладонь Крауфута.

– Что это такое? – спросил он.

Крауфут оживился и с любопытством повертел билет в руках.

– Будь я проклят! – воскликнул он. – Где вы это взяли?

– Не важно, – ответил Спарго. – Вы знаете, что это?

– Конечно, знаю! Но – черт возьми! Я не видел подобных шуток много лет. Такое чувство, будто я помолодел. Я чувствую себя юнцом.

– Но что это такое?

Крауфут перевернул билет и показал лицевую часть с полустертыми символами.

– Это один из оригинальных серебряных билетов на сидячие места, которые продавали на старом ипподроме в Маркет-Милкастере, – объяснил он. – Настоящий серебряный билет на сидячие места. Изображен герб Маркет-Милкастера, хотя, как я вижу, его затерли чуть не до дыр. А здесь, на обороте, – бегущая лошадь. Надо же!

– А где находится Маркет-Милкастер? Впервые о нем слышу.

– Маркет-Милкастер, – ответил спортивный журналист, продолжая вертеть в руках билет, – то, что топографы называют «деградирующим городом» в Элшмире. Он пришел упадок, когда протекавшая через него река заросла илом. Раньше там каждый июнь проводили знаменитые скачки. В последний раз – лет сорок назад. В молодости я частенько там бывал.

– Это билет на сидячие места?

– Один из пятидесяти билетов, или пропусков, которые давали самым уважаемым гражданам города, – ответил Крауфут. – Получить такой билет считалось большой честью. Его владелец имел право всю жизнь – всю жизнь! – свободно проходить на трибуны, в паддок, к беговым дорожкам, куда угодно. Где вы его достали, Спарго?

Журналист взял билет, осторожно завернул и убрал в свой кошелек.

– Я вам очень признателен, Крауфут, – произнес он. – К сожалению, пока я не могу сказать, откуда у меня эта вещь, но обещаю, что сообщу об этом и обо всем остальном, как только у меня будут развязаны руки.

– Расследуете какое-то дело? – предположил Крауфут.

– Да, и очень важное. Никому не говорите о том, что я вам показал. Со временем вы все узнаете.

– Хорошо, – кивнул Крауфут. – Странно иногда все поворачивается, правда? Я мог бы поспорить на что угодно, что за пределами Маркет-Милкастера нельзя найти и полдюжины подобных штуковин! Я уже говорил, что их выпустили всего полсотни и давали самым почетным гражданам. Они очень высоко ценились. После того как отменили скачки, я иногда заглядывал в Маркет-Милкастер и видел, как такие билеты вставляли в рамочки и вешали над камином!

Спарго встрепенулся:

– А как вы добирались до Маркет-Милкастера?

– С вокзала Паддингтон. Это самый удобный путь.

– Не остался ли там кто-нибудь из старых экспертов, кто разбирается в таких вещах?

– Старый эксперт! – воскликнул Крауфут. – Ну, как же! Хотя... скорее всего, он умер или... я имею в виду старину Бена Куотерпейджа: он устраивал аукционы в городе и отлично разбирался в спорте.

– Пожалуй, мне надо туда съездить, – задумчиво протянул Спарго. – Выяснить, жив ли он еще.

– Если вы туда поедете, – оживился Крауфут, – отправляйтесь на Хай-стрит в «Желтый дракон»: отличное местечко. Заведение Куотерпейджа и его собственный дом стоят напротив «Дракона». Но вряд ли вы застанете его в живых. Я видел его в Маркет-Милкастере лет двадцать пять назад, и он уже тогда был стариканом. Дайте-ка прикину... Господи, Спарго, если он еще жив, ему уже под девяносто!

– Ничего, я знавал бойких девяностолетних стариков, – возразил тот. – Например, моего деда. В любом случае огромное спасибо, Крауфут, когда-нибудь я все вам расскажу.

– Хотите еще выпить?

Но Спарго отказался, объяснив, что ему еще надо зайти в редакцию, и вообще у него много дел. Через минуту, невзирая на попытки Старки завязать дискуссию насчет того, как правильно потратить деньги клуба, он покинул «Октономеной» и отправился в «Наблюдатель». Отыскал главного редактора и, несмотря на то что тот был очень занят, добился аудиенции и просидел в его кабинете десять минут. Затем Спарго отправился домой и лег спать.

Но на следующее утро, едва рассвело, он уже стоял на платформе Паддингтона с чемоданом в руке и билетом до Маркет-Милкастера, а еще через несколько часов распаковывал вещи в номере старомодного отеля с видом на Хай-стрит. Напротив находился старый кирпичный домик, увитый густым плющом, и на его углу располагался небольшой офис, а над дверью висела табличка с именем владельца: «Бенджамин Куотерпейдж».

Глава шестнадцатая «Желтый дракон»

Переодевшись и стряхнув с себя дорожную пыль, Спарго задумался о том, как поступить дальше. У него не было никакого плана. Он знал лишь одно: в старом сундучке, который Джон Марбери поместил в сейф «Лондонской депозитной компании», хранился серебряный билет на скачки в Маркет-Милкастере, и он, Спарго, прибыл сюда по поручению и с полного одобрения главного редактора, чтобы найти следы его владельца. Только как ему взяться за эту трудную задачу? «Сначала, – подумал журналист, завязывая новый галстук, – необходимо осмотреться. Это не займет много времени».

Уже подъезжая к вокзалу и потом, по дороге к «Желтому дракону», Спарго заметил, что Маркет-Милкастер совсем маленький городок. Собственно, он состоял лишь из одной длинной и широкой улицы, Хай-стрит, с примыкавшими к ней узкими переулками. На Хай-стрит сосредотачивалось все лучшее, что было в городе: мэрия, рынок, готическая церковь, богатые дома и магазины, старинный мост и сама река, которую некогда бороздили корабли, пока ее устье не затянуло илом. Это был чистый, милый и уютный городок, однако торговля в нем шла вяло, и Спарго вскоре обнаружил, что «Желтый дракон», построенный во времена былой славы, чересчур велик для нынешних нужд города. Когда после приезда он отправился в огромную столовую, где могли бы поместиться полторы сотни человек, кроме него, там сидели только пожилой джентльмен с дочерью (судя по всему, туристы), два молодых человека, беседовавшие о гольфе, какой-то мужчина, напоминающий артиста, и пара молодоженов. Широкая улица под окнами Спарго была почти пустынная; изредка мимо проходил неторопливый прохожий; ленивый фермер вел на поводке корову; старик, сидя в пыльной повозке, беседовал с облаченным в фартук продавцом, вышедшим к нему из магазинчика. И надо всем этим мирно светило полуденное солнце, а из открытого окна доносился легкий аромат свежего сена, скошенного на лужайках вокруг покосившихся домов.

«Прямо какая-то Сонная лощина, – размышлял Спарго. – Хорошо бы найти кого-нибудь, с кем можно поговорить. Подумать только, всего шестнадцать часов назад я дышал ядовитыми парами «Октономеня»!»

Поплутав в темных коридорах «Дракона», Спарго выбрался в просторный холл, вымощенный каменными плитами, и свернул в гостиничный бар, который заметил еще при входе. Это был небольшой уютный зал с полукруглыми окнами, выходившими на Хай-стрит, и типичным интерьером провинциального отеля. Здесь имелись массивные кресла, громоздкие буфеты и тяжелые столы, сделанные сотню лет назад; на стенах висели тусклые гравюры со сценами охоты и картины маслом, изображавшие краснолицых джентльменов в розовых кафтанах; рядом красовались чучело лисы и огромная щука, замурованная в стеклянной банке. Обстановку дополняли фигурные канделябры и изящная табакерка на каминной полке. Сам бар находился в углу комнаты, где за стойкой восседала молодая продавщица, одетая по последней моде и тихо зевавшая над своим вязанием. Увидев Спарго, она посмотрела на него, словно Андромеда, узревшая спасителя Персея. Журналист, собиравшийся просто пропустить стаканчик и выкурить сигару, заметил ее взгляд и присел у стойки.

– Должен сказать, – произнес он, – у вас очень тихое местечко.

– Тихое? – улыбнулась женщина. – Тихое!

– Да, – продолжал Спарго, – так мне показалось. Вижу, вы со мной согласны. Это заметно по тому, с каким разным ударением вы произнесли одно и то же слово: сначала с удивлением, потом с сарказмом. Отсюда можно сделать заключение, что это действительно тихое местечко.

Она уставилась на него с таким видом, словно увидела представителя какой-то неизвестной ей породы; потом убрала свое вязание, вышла из-за стойки и села рядом со Спарго.

– Знаете, тут даже похороны кажутся развлечением, – произнесла она. – Тем более что у нас это обычное дело.

– Неужели? Наверное, жители умирают со скуки?

– О, вы шутите, – сказала она. – Ну, конечно. У нас ничего не происходит. Мы живем в дыре.

– Порой и в старых газетах найдется что почитать, – пробормотал Спарго себе под нос. – А в тихом омуте, как говорится, черти водятся. Значит, здесь совершенно нечем заняться?

– Совершенно нечем, – подтвердила собеседница. – Сонное царство. Я приехала сюда из Бирмингема и была просто в шоке. В Бирмингеме за десять минут можно увидеть больше людей, чем здесь за десять месяцев.

– Надо же, – покачал головой журналист. – Я вижу, вы сильно страдаете от уныния. Вам надо принять противоядие.

– Уныние! – воскликнула женщина. – Самое подходящее слово для Маркет-Милкастера. Утром, между одиннадцатью и часом, приходят несколько постоянных клиентов. Днем иногда заглядывает случайный посетитель. А вечером собираются всякие старые хрычи и часами болтают о старых добрых временах. Старые добрые времена! Если уж Маркет-Милкастеру что-то нужно, так это побольше новизны!

Спарго наострил уши.

– Я люблю слушать, как старики болтают о прежних временах, – возразил он. – По-моему, это любопытно!

– Тогда у нас вы сможете насладиться этим в полной мере. Загляните сюда после восьми часов вечера, и если к десяти вы не будете знать все о прошлом города, значит, вы глухой. Есть стариканы, которые приходят к нам каждый вечер и просто не могут спокойно заснуть, если не расскажут друг другу полдюжины историй о старых добрых временах, которые мы слышали уже раз двести!

– Совсем старые? – уточнил Спарго.

– Мафусаилы. Возьмите хоть мистера Куотерпейджа, который живет напротив: раньше он устраивал аукционы, но теперь отошел от дел. Говорят, что ему уже девяносто, хотя на вид не дашь больше семидесяти. Есть мистер Луммис, он живет в конце улицы, ему восемьдесят один. А еще мистер Скин, мистер Кайе – все они наши давние клиенты и стары, как мир. Я уже столько от них наслушалась, что могу написать историю Маркет-Милкастера от самого основания.

– Это было бы весьма достойное занятие, – улыбнулся Спарго.

Он поболтал с барменшей несколько минут, стараясь ее немного развлечь и развеселить, а затем отправился бродить по городу и вернулся в «Дракон» уже в семь часов, когда наступило время ужина. Посетителей было ничуть не больше, чем за обедом, и Спарго, покончив со своей одинокой трапезой, с удовольствием переместился в бар, где заказал чашку кофе и сел в уголке недалеко от того священного места, где, как ему сказали, заседали пожилые джентльмены.

– Только не садитесь на их места, – предупредила барменша. – Тут у каждого свое кресло и своя трубка на этой полочке. Если кто-нибудь тронет их кресло или трубку, боюсь, на нас рухнет потолок. А так можете сидеть спокойно, и слушайте все, что хотите.

Дальнейшие события вечера показались Спарго, который никогда не бывал в таких местах и еще сутки назад вряд ли мог бы даже вообразить нечто подобное, сценой из восемнадцатого века. Ровно в восемь, когда на башне пробили часы, в зал вошел старый джентльмен, и барменша бросила на Спарго многозначительный взгляд.

– Добрый вечер, мистер Кайе, – произнесла она. – Вы сегодня первый.

– Добрый вечер, – отозвался тот.

Он уселся на свое место и молча осмотрелся по сторонам. Это был высокий худой старик, облаченный во все черное, с высоким стоячим воротником, упиравшимся в кончики седых

бакенбард, и просторным шейным платком, собранным мелкими складками на шее. Вид у него был суровый и внушительный.

– Никого еще нет? – спросил мистер Кайе.

– Нет. Хотя... вот и мистер Луммис с мистером Скином, – ответила барменша.

В баре появились еще два старика. Один был франтоватый коротышка в щегольском костюме ослепительной расцветки; он носил ярко-синий галстук, цветок в петлице и белую шляпу, которую лихо сдвинул набок. Второй, крупный и тучный джентльмен с проказливым взглядом Фальстафа, уже с порога бросил шутку продавщице и, проходя мимо, потрепал ее по щеке. После того как оба посетителя опустили в свои кресла, полный джентльмен хлопнул себя по коленям и с той же развязной непринужденностью, с какой прежде приветствовал барменшу, обратился к своим приятелям:

– Ну что. Можно начинать симпозиум!

– Подождите! – воскликнул фронт. – Дедушка появится через минуту.

Женщина выглянула в окно.

– Мистер Куотерпейдж переходит через улицу, – сообщила она. – Можно накрывать?

– Да, дорогуша, несите все, – скомандовал толстяк. – Надо подготовиться заранее.

Барменша пододвинула к креслам круглый стол и разместила на нем коробку сигар, тяжелую табакерку в викторианском стиле и большую чашу с ингредиентами, необходимыми для приготовления пунша. Дверь снова открылась, и в комнату вошел человек, которого Спарго смело мог бы назвать одним из самых замечательных и интересных стариков, каких ему когда-либо доводилось видеть. Поскольку журналист уже знал, что это почтенный мистер Бенджамин Куотерпейдж, о котором говорил Крауфут, то не сводил с него глаз, пока старик здоровался со своими друзьями.

Мистер Куотерпейдж был девяностолетний крепыш среднего роста, плотный, жилистый и прямой, как палка, очень подвижный, с ясным взглядом и мощным голосом. Его чисто выбритое лицо сияло румянцем, точно спелое яблоко, густые волосы, казалось, только-только начали седеть, а рука была сильной и твердой, как скала. Костюм из желто-оранжевого габардина сидел на нем как влитой, а нарядный шейный платок выглядел весело и бойко, словно старик собирался на деревенскую ярмарку. Спарго понял, что, невзирая на преклонный возраст, жизнь была из него ключом.

Журналист как зачарованный сидел в дальнем уголке, пока distinguished джентльмены проводили свой «симпозиум». Вскоре к ним присоединились еще двое, и все пятеро уединились в дальней части бара, не обращая внимания на остальных. Мистер Куотерпейдж серьезно и старательно приготовил пунш; после того как его разлили по бокалам, задымили сигары и трубки и языки стали разговорчивее. Посетители приходили и уходили, но старики не замечали ничего, кроме собственной беседы. Иногда кто-то из юнцов заглядывал в бар, чтобы скромно выпить свои полпинты пива и перекинуться парой словечек с барменшей. Сидя у стойки, они с благоговением посматривали на местных патриархов, с головой погружившихся в собственное прошлое.

Спарго сообразил, почему женщина за стойкой говорила, что могла бы написать историю Маркет-Милкастера, начиная с основания города. Обсудив погоду, местные новости и личные дела, старые друзья вскоре обратились к минувшим дням и принялись дотошно и в подробностях обсуждать события, случившиеся много лет назад. В конце концов речь зашла о знаменитых скачках в Маркет-Милкастере. В этот момент Спарго решился на смелый шаг. Настало время добыть нужные сведения. Вынув из кошелька серебряный билет, он положил его на ладонь гербом вверх, подошел к увлеченным разговором собеседникам и, отвесив почтительный поклон, вежливо спросил:

– Вы не знаете, что это такое?

Глава семнадцатая

Мистер Куотерпейдж вспоминает

Если бы Спарго опрокинул стоявшую на столе чашу с пуншем – уже вторую за вечер – или бросил на пол динамитную шашку, вряд ли это произвело бы более ошеломительный эффект. Разговор мгновенно смолк; кто-то растерянно вытащил изо рта сигару, словно обнаружив, что все это время сосал палку. Пятеро стариков с изумлением уставились на журналиста, переводя взгляд с его лица на протянутую руку и обратно. Наконец мистер Куотерпейдж, к которому, собственно, и обращался Спарго, произнес с подчеркнутой любезностью, указывая на серебряный билет:

– Молодой человек, где вы это взяли?

– Вам известно, что это такое, правда? – Спарго тянул время. – Вы его узнаете?

– Известно ли мне? Узнаю ли я? – воскликнул мистер Куотерпейдж. – Разумеется, как все сидящие здесь джентльмены! Однако я вижу, вы не местный, поэтому задаю вопрос: где вы его взяли? Готов поклясться, что не в нашем городе.

– Нет, – подтвердил журналист, – определенно не в этом. Как бы я мог взять его в вашем городе, если я не местный?

– Действительно, – пробормотал мистер Куотерпейдж. – Трудно представить, чтобы кто-нибудь из наших горожан согласился расстаться со своей... Как бы лучше ее назвать – семейной ценностью? – ну да, с семейной ценностью. Так где вы его взяли, молодой человек?

– Прежде чем я вам отвечу, – сказал Спарго, опустившись на стул, любезно пододвинутый ему толстяком, – может, вы объясните, что это такое? Пока я вижу перед собой лишь старую и сильно потертую пластинку из полированного серебра, с каким-то гербом на одной стороне и изображением бегущей лошади – на другой. Но что она означает?

Пятеро достопочтенных джентльменов переглянулись и дружно усмехнулись. Потом мистер Куотерпейдж объяснил:

– Перед вами один из пятидесяти оригинальных билетов для почетных жителей Маркет-Милкастера, сэр, который давал своим владельцам особые и весьма существенные привилегии при посещении наших некогда знаменитых скачек, теперь, увы, канувших в прошлое. Пятьдесят – нет, простите, сорок лет назад – иметь такой билет было...

– Престижно, – вставил один из стариков.

– Мистер Луммис прав, – кивнул мистер Куотерпейдж. – Такие билеты, сэр, считались сокровищем, каковыми они остаются до сих пор. Но теперь вы, приезжий, являетесь сюда и показываете нам один из них! Вы получили его...

– Я нашел его в Лондоне при загадочных обстоятельствах, – ответил Спарго. – Хочу выяснить, откуда он. Прежде всего узнать имя его первоначального владельца. Вот зачем я приехал в Маркет-Милкастер.

Мистер Куотерпейдж оглядел своих товарищей.

– Превосходно! – провозгласил он. – Превосходно! Он нашел этот билет – один из знаменитой полусотни – в Лондоне при загадочных обстоятельствах! Желает выяснить, откуда он и кто его владелец! Во зачем он приехал в Маркет-Милкастер. Чудеса! Джентльмены, не кажется ли вам, что это самое необычайное событие из всех, что случались в Маркет-Милкастере за последние... я даже не знаю, сколько лет?

Собравшиеся посмотрели на Спарго так, будто он только что объявил о своем намерении купить их город.

– Необычайное? – удивился он. – Но почему?

– Почему? – воскликнул мистер Куотерпейдж. – Он спрашивает – почему! Да потому, молодой джентльмен, что я поражен тем, что один из наших пятидесяти билетов, как теперь

выясняется, больше не принадлежит одной из пятидесяти уважаемых семей, которая некогда им владела! Или я ошибаюсь, молодой человек, или вы не являетесь членом какой-либо из семей Маркет-Милкастера.

– Не являюсь, – подтвердил Спарго. Он мог бы добавить, что еще вчера вечером понятия не имел и о самом Маркет-Милкастере, но благоразумно промолчал.

Мистер Куотерпейдж махнул своей длинной трубкой.

– Смею заметить, – продолжил он, – что если бы наш вечер не близился к завершению, – а нам уже пора расходиться, молодой человек, – то я смог бы по памяти назвать все пятьдесят семей, владевших билетами в год окончания скачек. Уверен, что смог бы!

– Конечно! – подхватил коротышка в ярком костюме. – Ни у кого нет такой прекрасной памяти, как у вас!

– Особенно в том, что касается старых скачек, – заметил толстяк. – Тут мистер Куотерпейдж – просто ходячая энциклопедия.

– Память у меня отличная, – произнес мистер Куотерпейдж. – И это лучший дар, которым Господь благословил меня на склоне дней. Да, уверен, если хорошенько поразмыслить, я смог бы это сделать. Скажу вам больше: практически все пятьдесят семей по-прежнему находятся в городе, а если не в городе, то где-то рядом, а если не рядом, то я знаю, где они сейчас. Вот почему я не понимаю, как молодой джентльмен... Из Лондона, вы сказали?

– Из Лондона, – кивнул Сарго.

– Как он сумел раздобыть один из наших серебряных билетов. Невероятно! Но если завтра, молодой человек, вы окажете мне честь позавтракать со мной, то я покажу вам свои старые записи по скачкам, и мы быстро выясним, кому принадлежал найденный вами билет. Меня зовут – Бенджамин Куотерпейдж, и я живу в доме с плющом напротив отеля. Завтрак у меня начинается ровно в девять, и я буду очень рад вашему визиту!

Спарго отвесил почтительный поклон.

– Сэр, – промолвил он, – позвольте выразить глубочайшую признательность за любезное приглашение. Я почту за честь быть вашим гостем.

На следующее утро без пяти девять Спарго уже стоял в старомодной гостиной с видом на цветущий палисадник и жал руку мистеру Куотерпейджу-старшему. После шумных приветствий тот представил его своему сыну, мистеру Куотерпейджу-младшему, – приятному джентльмену лет шестидесяти, казавшемуся на фоне своего отца почти мальчишкой, – и мисс Куотерпейдж, молодой даме, чуть моложе брата, – после чего все перешли к столу, щедро заставленному лучшими блюдами этого сезона. Мистер Куотерпейдж-старший был румяным и свежим: для Спарго явилось откровением, что человек в его возрасте может сохранить столько бодрости и жизнелюбия и такой прекрасный аппетит.

Во время завтрака разговор естественным образом зашел о серебряном билете и о том, как он оказался в руках Спарго: вопрос, над которым мистер Куотерпейдж по-прежнему ломал себе голову. Журналист решил, что пора пролить свет на род своих занятий, и продемонстрировал рекомендательное письмо, которым снабдил его главный редактор «Наблюдателя», сообщив о своих журналистских изысканиях и о том, что нашел билет под подкладкой старого сундучка. Но не упомянул о деле Марбери, заботясь прежде всего о том, чтобы мистер Куотерпейдж сам вывел его на верную дорогу.

– Вы даже не представляете, мистер Спарго, – заявил старый джентльмен, когда завтрак закончился и они уединились в маленькой библиотеке, битком набитой материалами о скачках и других спортивных состязаниях, – как много для нас значило владение одним из таких серебряных билетов. Вот, кстати, висит мой собственный – в красивой рамочке и крепко прикрученный к стене. Эти пятьдесят серебряных билетов были выпущены к первым нашим скачкам в 1781 году. Их изготовил местный ювелир, чьи потомки до сих пор занимаются в городе тем же ремеслом. Билеты передали пятидесяти лучшим семьям города в вечное владение – тогда

никто не думал, что сами скачки могут когда-то прекратиться. Вместе с билетами владельцы получали большие права и привилегии. Не только они сами, но и члены их семей имели свободный и бесплатный доступ на трибуны, в паддоки и к беговым дорожкам. Владелец билета и его старший сын, по достижении им совершеннолетия, приглашались на праздничный банкет. Он устраивался в честь проведения скачек, на нем в былые времена – да, да, мистер Спарго! – присутствовали члены королевского семейства. Как вы понимаете, такие билеты мог получить далеко не каждый.

– А когда скачки прекратились? Что было потом?

– Семьи, владевшие билетами, стали считать их реликвиями и обращаться с ними соответственно, – ответил мистер Куотерпейдж. – Одни, как я, вешали их в рамочке на бархатной подкладке, другие запирали в надежном месте, но я уверен: все относились к ним очень бережно. Вчера вечером в «Дракон» я сказал, что могу вспомнить пятьдесят семей, владевших билетами. Так оно и есть. Но, – тут мистер Куотерпейдж вынул из ящика толстую тетрадь в пергаментной обложке и бережно положил ее на стол, – я хочу предложить вам небольшую подборку моих заметок, посвященных скачкам, где приводится полный список первоначальных владельцев, а также второй, с именами тех, в чьем распоряжении они оказались после отмены скачек. Так вот, мистер Спарго, с помощью двух этих списков я могу проследить любой билет – кроме того, что находится в вашем кошельке.

– Любой? – удивился журналист.

– Да. Все семьи по-прежнему живут в Маркет-Милкастере, поскольку люди у нас весьма консервативны и не любят покидать родные места, или неподалеку от него. Не представляю, как и почему попавший к вам билет – а он, несомненно, подлинный – мог оказаться в чужих руках.

– Возможно, он не переходил в чужие руки, – возразил Спарго. – Я уже говорил, что его нашли в подкладке старого сундучка. Дело в том, что владелец сундучка скончался.

– Скончался! – воскликнул мистер Куотерпейдж. – Но кто... подождите... у меня возникла идея. Разумеется! Как я сразу об этом не подумал?

Старый джентльмен раскрыл пергаментную тетрадь и пролистал несколько страниц, пока не отыскал упомянутый им список. Он показал его Спарго.

– Здесь перечислены все владельцы серебряных билетов, сохранившие их после отмены скачек, – сообщил старик. – Если бы вы лучше знали наш город, вам было бы понятно, что мы говорим о наиболее именитых и почетных гражданах: все они входили в состав городского совета. Видите, здесь значится моя фамилия – Куотерпейдж. А вот Луммис, Кайе, Скин, Темплби – джентльмены, которых вы видели вчера вечером. Это самые старые и уважаемые семьи в городе. И все они указаны в списке. Я лично знаком с каждой из них. Сейчас многие владельцы уже умерли, но билеты достались их наследникам. Все это так, однако теперь, поразмыслив, я понял, что среди них есть человек, о ком я уже давно ничего не слышал. Вероятно, именно его билет и попал вам в руки. Впрочем, мне всегда казалось, что он давно утратил его.

– И кто этот человек? – спросил Спарго, почувствовав, что сейчас услышит нечто важное. – Как его звали?

Палец старика скользнул по списку.

– Вот! – воскликнул он. – Джон Мэйтленд.

Спарго склонился над красиво написанными строчками.

– Верно, Джон Мэйтленд, – пробормотал он. – Но кто он?

Мистер Куотерпейдж покачал головой:

– Если бы вы жили в Маркет-Милкастере двадцать лет назад, то прекрасно знали бы, кто такой Джон Мэйтленд. Было время, сэр, когда он считался самым известным человеком в нашем городе, да что там – во всей округе. Вот местная газета от 5 октября 1891 года. Прочитайте ее, мистер Спарго, и вы узнаете все о Джоне Мэйтленде. Давайте я схожу на часок-

другой в свою контору, чтобы поболтать о делах с сыном, а вы тем временем посидите у меня в саду с газетой – и одной из моих сигар – и прочитаете в ней все, что сочтете нужным. А потом я вернусь, и мы еще немного побеседуем.

Журналист взял старую газету и направился с ней в залитый солнцем сад.

Глава восемнадцатая

Старая газета

Развернув газету, Спарго сразу нашел нужную ему статью, напечатанную под огромным заголовком. Он закурил сигару и, устроившись поудобнее, начал читать:

«Квартальная сессия в Маркет-Милкастере»

СУД НАД ДЖОНОМ МЭЙТЛЕНДОМ

В прошлую среду, 3 октября 1891 года, в городской ратуше состоялась квартальная сессия мировых судей под председательством королевского адвоката Генри Джона Кэмерноуэна, эсквайра, в лице достопочтенного мэра Маркет-Милкастера (Олдерман Питтифорд); викария Маркет-Милкастера (преподобный П.Б. Клаббертон, магистр теологии, декан округа); Олдермана Бэнкса, мирового судьи; Олдермана Питерса, мирового судьи; сэра Гервэйса Рэктона, мирового судьи; полковника Флюдгэйта, мирового судьи; капитана Мюррилла, мирового судьи, и других джентльменов и членов магистрата. В зале присутствовало много публики, ожидавшей суда над Джоном Мэйтлендом, бывшим управляющим банка Маркет-Милкастера, а на почетных местах собралась вся элита города, в том числе немало дам, проявивших огромный интерес к данному процессу.

Председатель, возглавляющий большое жюри, заявил, что, к его большому сожалению, те благоприятные впечатления, которые сложились у него после двух прежних официальных визитов в Маркет-Милкастер, – он имел в виду факт, что в обоих этих случаях его друг, достопочтенный мэр города, преподнес ему белые перчатки¹, – на сей раз не возникли. Весьма печально и достойно сожаления, сказал он, что на скамье подсудимых оказался человек, чьи предки на протяжении многих столетий занимали самые высокие посты в городе. Более того, этот гражданин обвиняется в серьезном преступлении, особенно предосудительном для такой коммерческой нации, как мы: присвоении денег банка, который он много лет возглавлял в качестве управляющего и с которым его связывали тесные отношения еще со школьных лет. Нет никаких сомнений, что обвиняемый признает свою вину, поэтому он не видит необходимости наставлять жюри в данном вопросе и лишь просит их оценить и осознать всю тяжесть совершенного проступка. После этого председатель обсудил с большим жюри несколько более мелких дел, рассмотренных позже в то же утро; затем был объявлен перерыв, а по его окончании зачитан утвержденный проект обвинительного акта и избран состав малого жюри.

Джону Мэйтленду, сорока двух лет, из Бэнк-Хаус, Хай-стрит, Маркет-Милкастер, было предъявлено обвинение в присвоении денег его

¹ По давней традиции, судьи не должны надевать перчатки во время судебных заседаний; подарить судье белые перчатки – значит показать, что в его работе нет необходимости, поскольку в городе не было совершено никаких преступлений. – *Здесь и далее примеч. пер.*

работодателей, имевшее место 23 апреля 1881 года, в размере 4875 фунтов, 10 шиллингов и 6 пенсов. Подсудимый, чрезвычайно бледный и подавленный, появился в сопровождении мистера Чарльза Дулиттла, известного адвоката из Кингсхейвена. Сторону обвинения представлял мистер Стивенс.

Сразу после предъявления обвинения Мэйтленд признал себя виновным.

Обращаясь к председателю, мистер Стивенс заявил, что в его намерения не входит оказывать чрезмерное давление на подсудимого, тот, судя по всему, принял мудрое решение признать свою вину по одному из пунктов обвинения. Однако в интересах правосудия он считает своим долгом предоставить суду детали прискорбного и бесчестного поступка, который привел к растрате денег. В связи с этим он хочет подробно и последовательно изложить все обстоятельства дела. Обвиняемый, Джон Мэйтленд, происходит из старой и уважаемой в городе семьи; по сути дела, не считая его малолетнего сына, он является последним в своем роде. Его отец был управляющим в том же банке. После окончания местной школы и по достижении совершеннолетия Мэйтленд также поступил на службу в банк; в возрасте тридцати двух лет унаследовал место отца; еще в течение десяти лет занимал эту почетную и ответственную должность. Директора питали к нему полное доверие, они рассчитывали на его порядочность и честность, в конце концов ему предоставили полную свободу действий. Он превратился в настоящего главу фирмы, под его контролем находилось абсолютно все, без каких-либо ограничений. Насколько разумно было давать подобную свободу своему сотруднику, это мистер Стивенс оставляет без комментариев; в любом случае можно видеть некую справедливость в том, что основной ущерб от его действий понесли именно директора, поскольку они сами их и спровоцировали. Нам следует выяснить, в чем заключался ущерб. Обвиняемый признал себя виновным по первому пункту обвинения. Но таких пунктов не менее семнадцати. Он признался в хищении приблизительно 4875 фунтов стерлингов. Но согласно всем семнадцати пунктам обвинения, данная сумма гораздо больше и составляет – только представьте! – 221 573 фунта, 8 шиллингов и 6 пенсов. Это факт: банк потерял 200 000 фунтов стерлингов, и это случилось прежде, чем изумленные директора узнали, что у них вообще что-то происходит. Самая неприятная деталь во всем этом деле заключается в том, что ни одного пенни из пропавших денег так и не нашли. Адвокат обвиняемого попытался убедить жюри, что тот сам был обманут другим человеком, к сожалению, не присутствующим в суде: человеком, который также был очень хорошо известен в городе, но сейчас умер и поэтому не может быть вызван в суд. Но был он обманут или нет, это никак не оправдывает хладнокровного и обдуманного преступления, совершенного обвиняемым. Мистер Стивенс счел необходимым упомянуть данные факты, чтобы продемонстрировать суду подлинные масштабы нанесенного ущерба и принять их во внимание при рассмотрении дела.

Председатель спросил, есть ли вероятность, что украденные деньги будут возвращены.

Мистер Стивенс ответил, что, насколько ему известно, это невозможно, поскольку, по словам самого обвиняемого и других свидетелей, вся упомянутая сумма была полностью утрачена после смерти того человека, о котором он сказал выше.

Затем мистер Дулиттл взял слово в защиту обвиняемого. Он поблагодарил мистера Стивенса за подробное и беспристрастное изложение дела и заверил, что не намерен принижать вину подзащитного. Однако в интересах дела намерен рассказать подлинную историю случившегося. Всю свою жизнь, вплоть до недавнего времени, его подзащитный служил образцом честности и добропорядочности. К несчастью для него – и для многих других жителей Маркет-Милкастера, – три года назад в городе появился человек по фамилии Чамберлен, который поселился на Хай-стрит и открыл свое дело в качестве биржевого брокера. Обладая приятной внешностью и обходительными манерами, Чамберлен сумел расположить к себе множество людей, в том числе и его несчастного клиента. Ни для кого не секрет, что Чамберлен убедил нескольких горожан предоставить в его распоряжение денежные средства; не секрет и то, что для многих клиентов это закончилось плачевно. Что касается Мэйтленда, то, к несчастью для себя, он проникся к этому человеку доверием, начал с ним сотрудничать. Постепенно их совместная деятельность расширялась, приобретая все большие масштабы. Безусловно веря Чамберлену и его методам, Мэйтленд передавал в его руки огромные суммы денег.

Председатель попросил мистера Дулиттла уточнить, имеет ли он в виду собственные средства подсудимого. Мистер Дулиттл ответил, что, к сожалению, речь идет о деньгах, принадлежавших банку. Его подзащитный питал столь безусловное доверие к Чамберлену, что не сомневался в благополучном исходе всего этого предприятия, надеясь, что вложенные средства будут не только возвращены, но и сильно приумножены.

Председатель заметил, что подсудимый, вероятно, собирался положить полученную прибыль в свой карман. Мистер Дулиттл сказал, что подзащитный заверил его в том, что из упомянутых денег Чамберлен сразу пустил в оборот 200 000 фунтов стерлингов, причем он, подзащитный, не имеет ни малейшего понятия, что тот с ними сделал. Увы, к сожалению для многих горожан и в особенности для его клиента, Чамберлен неожиданно скончался в самом начале судебного расследования, так что теперь нет возможности проследить судьбу пропавших денег. Следует отметить, что Чамберлен умер при весьма странных обстоятельствах, столь же загадочных, как и все это дело.

Председатель спросил, может ли он добавить что-нибудь еще в защиту подсудимого, чтобы смягчить грозящий ему приговор. Мистер Дулиттл ответил, что у него есть лишь несколько замечаний и он хотел бы довести их до сведения суда. В пользу его клиента свидетельствует то, что до последнего времени он не был замечен ни в каких предосудительных поступках и не совершал ничего такого, что позволило бы усомниться в его честности. Но потом, по несчастному стечению обстоятельств и по собственной глупости, позволил ловкому мошеннику склонить его к неблагоприятному поступку. Теперь этот человек предстал перед иным, высшим судом, а подзащитному приходится нести всю ответственность за последствия его сомнительной деятельности. Надо полагать, Чамберлен собирался использовать деньги в своих личных интересах, и еще есть шанс, что они все-таки найдутся. Он просит суд принять во внимание безупречное прошлое своего клиента, а также факт, что, какой бы ни была дальнейшая судьба подзащитного, его деловая карьера уже потерпела крах.

Председатель заметил, что не услышал ничего, что могло бы смягчить участь подсудимого. Столь бесчестный поступок, безусловно, заслуживает серьезного наказания, и Джон Мэйтленд приговаривается к тюремному заключению сроком на десять лет.

После приговора Мэйтленда вывели из зала суда и переправили в тюрьму графства Саксчестер».

Спарго прочитал статью и просмотрел ее еще раз, отмечая самые важные места. Затем сложил газету и отправился в дом, чтобы побеседовать со старым Куотерпейджем, который уже махал ему рукой из окна библиотеки.

Глава девятнадцатая

История Чамберлена

– Судя по всему, сэр, – произнес мистер Куотерпейдж, когда Спарго вошел в библиотеку, – вы уже прочитали отчет о суде над Джоном Мэйтлендом.

– Дважды, – подтвердил Спарго.

– К какому заключению вы пришли?

– Что серебряный билет в моем кошельке принадлежал Джону Мэйтленду, – ответил журналист, не торопясь выкладывать все свои соображения.

– Верно, – кивнул старый джентльмен. – Я тоже так думаю. Хотя до сих пор мне казалось, будто у этого билета столько же шансов попасть в чужие руки, сколько и у остальных сорока девяти.

– Но почему?

Старик подошел к угловому шкафчику и молча вынул большой графин и два высоких бокала для вина. Тщательно вытерев бокалы куском ткани, он поставил их вместе с графином на столик у окна и предложил Спарго занять свободный стул. Сам пододвинул к себе мягкое кресло с подлокотниками.

– Попробуйте стаканчик моего темного хереса, – предложил он. – Лучшего хереса вы не найдете во всей округе. Давайте выпьем за ваше здоровье, сэр, и побеседуем о Джоне Мэйтленде.

– Я хотел бы многое услышать, – произнес Спарго. – И не только о Мэйтленде. Данный отчет вызывает вопросы. Например, о том человеке, про которого там так часто говорится, – об этом брокере, Чамберлене.

– Вы правы, – улыбнулся мистер Куотерпейдж. – Я так и думал, что он вас заинтересует. Но сначала о Мэйтленде. Когда его отправили в тюрьму, у него остался маленький ребенок, мальчик двух лет. Мать его умерла. Но как раз в то время у него в доме появилась ее сестра, мисс Бэйлис, и взяла на себя заботу о хозяйстве Мэйтленда и воспитание его ребенка. В ожидании суда он объявил себя банкротом, и почти все его домашнее имущество продали с молотка. Но мисс Бэйлис достались кое-какие личные вещи и, как я тогда думал, серебряный билет. Это было бы вполне логично, хотя теперь факты свидетельствуют об обратном. Она увезла ребенка, и на этом история семьи Мэйтленд в нашем городе закончилась. Самого Мэйтленда после суда поместили в Дартмурскую тюрьму, где он отбывал срок. После его освобождения нашлось немало людей, которым очень хотелось с ним встретиться: в основном это были представители банка, считавшие, что Мэйтленд знает о деньгах гораздо больше, чем сообщил суду, и надеявшиеся вытянуть из него какую-нибудь информацию. Мистер Спарго, они были настроены очень серьезно.

Журналист постучал пальцем по газете, которую держал в руках.

– Значит, они не поверили тому, что сказал его адвокат? Что все деньги достались Чамберлену? – спросил он.

Мистер Куотерпейдж рассмеялся:

– Нет – и другие тоже! Все в городе были уверены – позже вы поймете почему, – будто Мэйтленд просто устроил инсценировку, а потом отмотал свой срок, зная, что после выхода из тюрьмы его ждет безбедное существование. Люди из банка хотели с ним разобраться. Они послали специального агента, чтобы тот встретил его при выходе из тюрьмы, но у них ничего не получилось. Произошла какая-то ошибка – и Мэйтленд вышел на свободу раньше, бесследно исчезнув. С этого дня никто о нем больше ничего не слышал. Разве что мисс Бэйлис...

– А где она живет?

– Не знаю. Забрав ребенка, мисс Бэйлис уехала в Брайтон: у меня был ее адрес, и при желании я могу его найти. Но когда Мэйтленда освободили и люди из банка обратились к мисс Бэйлис, оказалось, что она тоже исчезла, и все попытки разыскать ее потерпели крах. Если верить брайтонским соседям, мисс Бэйлис уехала вместе с ребенком лет за пять до этого. Последняя ниточка к Мэйтленду оборвалась. Он отсидел свой срок, стал образцовым заключенным, заработал множество льгот и послаблений – они выяснили даже это! – получил свободу и пропал. По данному поводу в городе существует своя версия.

– Какая же? – спросил Спарго.

– Он припеваючи живет где-то за границей, пользуясь теми деньгами, что украл у банка. Мол, его свояченица тоже была в игре. Затем она взяла ребенка, сбежала за границу и свила там уютное гнездышко, а Мэйтленд явился туда, как только вышел на свободу.

– Что ж, вполне возможно, – заметил Спарго.

– Разумеется, сэр. Однако тут мы подходим к истории с Чамберленом, – продолжил старый джентльмен, снова наполнив бокалы. – Я изложу вам факты, а выводы делайте сами. Чамберлен появился в Маркет-Милкастере в 1886 году, за пять лет до суда над Мэйтлендом. Они были примерно одного возраста – лет тридцати семи. Первое время Чамберлен работал клерком у старины Валлада, в его канатной мануфактуре. Кстати, дом Валлада до сих пор стоит на прежнем месте в конце Хай-стрит, возле самой реки, хотя сам Валлад уже умер. Так вот, этот Чамберлен был умный и бойкий: Валлад чувствовал себя без него как без рук и платил ему огромную зарплату. Постепенно он осел в городе и женился на одной из девиц Коркиндейлов, местных шорников. Вскоре оставил службу у Валлада и стал работать брокером. Чамберлен всегда умел обращаться с деньгами, к тому же у него имелись собственные средства и приданое жены. Короче, его дела быстро пошли в гору. Надо заметить, он отличался редким обаянием и при желании легко умел убеждать людей. Многие деловые люди в городе верили ему – я тоже ему верил, мистер Спарго, и не раз имел с ним дело, причем без всякого ущерба для себя. Наоборот, он принес мне неплохую прибыль. Большинство клиентов были им довольны. Конечно, и у него случались свои взлеты и падения, но в целом все шло очень хорошо. Никто не знал, что происходило между ним и Мэйтлендом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.